

За яркость и многообразие талантов!

Раскройте «Тихий Дон» М. Шолохова, «Молодую гвардию» А. Фадеева, любя из автобиографических повестей Ф. Гладкова, «Русский лес» Л. Леонова, «Бурю» И. Зренбург, — и вы сразу узнаете автора не только по знакомым героям и ситуациям, но и по авторскому стилю, по манере письма, по углу зрения, под которым отбирался материал, по характеру обобщения и уж, конечно, по языку. И не глядя на обложку, вы никак не спутаете А. Твардовского с К. Симоновым, С. Шипачева с И. Сельвинским, П. Антокольского с М. Светловым, О. Берггольц с В. Ибнером, М. Агион, С. Смирнова с М. Луконинным... Литература социалистического реализма многообразна потому, что она, как никакая другая литература в мире, близка к жизни, а жизнь неистощима в своем бесконечном многообразии. Социалистический строй поднял к сознательному историческому творчеству самые глубокие массы народа, обеспечил свободный расцвет человеческой личности, всех ее дарований.

А талант — это прежде всего человеческая личность, яркая, богатая, своеобразная. И художнический талант неповторим так же, как неповторимы человеческое лицо, характер.

Многообразие богатство литературы социалистического реализма постоянно возрастает еще и потому, что на всеобщую трибуну выходят все новые и новые представители равноправных братских народов СССР. Эти художники приносят в общую сокровищницу нашей единой многонациональной литературы не только оригинальное свое дарование, но и многовековой опыт своей национальной культуры, лишь при советском строе обретший условия для своего свободного развития.

Если мы обратимся к творчеству хотя бы двух таких художников, как А. Улит и М. Ауэзов, то увидим, что многое родин их творчество, обуславливая, казалось бы, неизбежность известного их художественного сходства. Оба они — авторы обширных эпических полотен, показывающих развитие жизни народа через судьбы отдельных людей, семей, поколений.

Но каждый из этих художников совершенно своеобразен. Мухтар Ауэзов всецело и во всем лиричен. Говорит ли он о людях или о человеческих отношениях, раскрывает ли красоту казахской степи, — его отношение к изображаемому предмету высказано не только полно, но и страстно.

Нередко писатель в своих творениях в подлинном смысле этого слова красноречив, и это — традиционное красноречие обитателя степи, долгие века не знавших письменности, а теперь переносающих в литературу некоторые особенности своей богатой развитой устной речевой традиции. И все эти национальные особенности творчества М. Ауэзова претворяются в органически усвоенной традиции русской реалистической литературы.

Совсем иначе в творчестве А. Улит. Там, где М. Ауэзов лиричен, А. Улит вдумчив и предельно обстоятелен. Вытовая деталь и пейзаж служат у него средством наиболее полного, объективного и многогранного раскрытия характера героя и обстоятельство, в которых он действует. Можно смело сказать, что у А. Улит та же учителя, что и у М. Ауэзова, но он берет у них иные ценности, необходимые его творческой индивидуальности. И если М. Ауэзов тяготеет к психологическому лиризму, внутренней теплоте образов, то А. Улит стремится к строго объективному раскрытию характера, к тому, чтобы воздействие его на читателя шло без подчеркнутого авторского вмешательства.

Таким образом, перед нами два художника социалистического реализма, во многом, казалось бы, сходные между собой и в то же время не похожие, национально и индивидуально своеобразные.

Само развитие литературы подтверждает сформулированное в Уставе Союза советских писателей положение, что «социалистический реализм обеспечивает художественному творчеству исключительную возможность проявления творческой инициативы, выбора разнообразных форм, стилей и жанров».

Истина этих слов подтверждается и сокровищницей нашей советской классики, где нашли свое место и мощный, подлинно-гуманный реализм А. М. Горького, и страстная патетика В. Маяковского, и суровая романтика «Железного потока», и сдержанная по своей тональности повествование «Чапая», и лирическая проповедь «Недоговоренная поэма», и монументальная историзм «Петра I». И это лишь малая часть того, о чем можно и должно было упомянуть, говоря о творческом многообразии нашей литературы, которая непрерывно пополняется новыми именами: О. Гончар, В. Некрасов, Э. Казакевич, М. Танк, С. Антонов, М. Тевелев, Д. Гранин — все это художники разных масштабов, но каждый со своим творческим лицом, манерой, языком.

Жизнь разоблачает живые утверждения реакционной пропаганды за рубежом, будто социализм нивелирует таланты; жизнь показывает, что наш общественный строй, как никакой другой, способствует их проявлению и расцвету.

Ленинский принцип партийности лежит в основе воспитательной работы партии, советского общества по отношению к писателям. «... Литературное дело всею менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством... в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию», — писал Ленин.

И горьковская воспитательная традиция целиком построена на этих принципах. Вспомним, как широко поддерживал Алексея Максимович творческую молодежь, с каким вниманием относился он к таким разным, привлекательным в своем своеобразии талантам, как Ф. Гладков, К. Фелин, Л. Леонов; как всыпаясь к нему и дружки горячо помогал он каждому из этих художников совершенствовать свое дарование, не только то общее, что объединяет всех советских писателей, но и то индивидуально присущее именно этому таланту, что отличает художников одного от другого. Выписывать свежие таланты и бережно растить их, помогая освобождаться от всего чуждого, мешающего росту писателя, и развивать лучшие своеобразные черты художника — почетная задача литературной критики. Критика, переосмысливающая, переосмысливающая, рассматривающая только тему в художественном произведении, но не умеющая раскрыть его в единстве идейно-художественного замысла и мастерства, не только не помогает росту писателя и литературы, но вредит им.

Догматическая критика одно время объявляла чуть ли не ведущим началом метода советского искусства революционный романтизм, основным способом типизации — приподнимание героя над жизнью, и это, в конечном счете, немало содействовало созданию пресловутой «теории» бесконфликтности. Потом она делает поворот на сто восемьдесят градусов и, начисто упраздя романтику, проповедует некую «приземленность», объявляя всякую попытку изображения светлых чувств и героических поступков «идиллической» либо «художественной». В итоге — нулевой бытовизм.

В области языка догматическая критика, цепляясь за не понятые ей высокие образцы и орудия выдержанные цитатами, стремится свести все многообразие литературной речи к элементарным правилам школьной грамматики.

И то обстоятельство, что в последние годы появился ряд произведений молодых авторов, неразличимых, бесцветных по языку, в значительной мере является плодом влияния этих неверных взглядов, результатом «трудов» такой критики, пусть особенно прочные корни в среде редакционно-издательских работников.

После новой формы именуются в догматической критике формалистическим штучничеством: произведение, сложное по мысли или по форме, — заумным. Не умея раскрыть творчество художника в единстве идеи и мастерства, она отстраняется от оценки произведений некоторых поэтов, творчество которых кажется ей сложным, — П. Антокольского, С. Кирсанова, И. Асеева, И. Сельвинского и др. И не то злое, что литературные критики не восхлестили «Читая «Фауста» И. Сельвинского по его выходе в свет. Плохо то, что они не только не дали этому произведению справедливой критической оценки, но и вообще устранили от разбора сложного поэтического хозяйства ищущего и немало ошибавшегося, но талантливого поэта, как устранили и от вопросов о творческих течениях внутри единой литературы социалистического реализма.

В первые годы становления метода социалистического реализма характерной для литературного процесса являлась идейная борьба с чуждыми буржуазно-эстетскими направлениями, школами и школками.

И ныне идеологическая борьба в литературе отнюдь не окладна и нашей общности еще приходится время от времени давать отпор чуждым тенденциям отдельных литераторов. Но именно потому, что советские писатели объединились на платформе метода социалистического реализма, развращается творческое соревнование художественных течений и индивидуальностей.

Опыт развития многонациональной советской литературы говорит о том, что на поле богатства разнообразных творческих индивидуальностей у нас, естественно, складывается творческая общность отдельных художников между собой. Неправильно, однако, было бы в наши дни называть такую общность направлением. В данное время в едином Союзе советских писателей таких направлений нет.

Но понятно, что творческое соревнование не может проходить в обстановке всеобщего благодушия и безмятежного сосуществования. Естественны и неизбежны и выражаются резко противоположных мнений, страстные споры и дискуссии, в процессе которых будут все отчетливее выявляться объективные преимущества одной из сторон и слабые позиции другой.

Ошибкой и упрощением было бы думать, что споры о положительном героическом или отрицательном в поэзии — суть препарируемая терминология. Нет, это — наглядное проявление различных творческих тенденций, в которых критике необходимо разобраться глубоко и по существу, сочетая общие принципы идейно-художественной оценки творчества писателя с учетом его индивидуальной творческой манеры, замысла и материала.

Однако признание многообразия искусства и внимание к творческой индивидуальности писателя отнюдь не означают ни ослабления идейных требований к литературе, ни амнистирования всяческих ошибочных тенденций (объективистских, натуралистических, нигилистического отношения к искусству и действительности, «теории» бесконфликтности, лакривки), которые время от времени проявляются в творчестве отдельных литераторов.

Одна из важнейших задач, стоящих перед организациями и печатными органами СССР, проводящими предсезонные дискуссии, — это наиболее полное выявление всех творческих возможностей наших литераторов, выявление всего того, что мешает успешному росту писателей, и того, что могло бы им помочь двинуться вперед.

Задача Союза писателей СССР, его печатных органов — бороться за идейную чистоту и художественное многообразие богатейшей в мире многонациональной литературы социалистического реализма.

Сейчас библиотека Академии наук СССР — одно из крупнейших научных книгохранилищ Советского Союза. Ее фонды насчитывают более 10 миллионов томов; исключительную ценность представляют свыше десяти тысяч старых русских рукописных книг. Библиотека обменивается книгами с научными учреждениями и библиотеками 80 стран мира.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 140 (3324)

Четверг, 25 ноября 1954 г.

Цена 40 коп.

РЕШЕНИЯ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА В СТОКГОЛЬМЕ

За обеспечение сотрудничества всех государств Европы в целях организации их общей безопасности

Обращение Всемирного Совета Мира к народам мира

В то время как окончание войны в Коре и в Индо-Китае и отклонение проекта «европейского оборонительного соглашения» принесли всему миру надежду на ликвидацию споров, разделяющих государства, лондонские и парижские соглашения ставят народы перед грозной опасностью, которая означает для каждого из них возрождение «вермахта». В то время как сделаны новые предложения, осуществление которых может обеспечить объединение Германии, реализация лондонского и парижских соглашений нанесла бы тяжелый удар демократическим и национальным силам немецкого народа, разогнала бы притязания германского милитаризма и санкционировала бы раскол Германии и Европы.

В то время как достигнутый в ООН прогресс по волнующему вопросу о разоружении и о запрещении оружия массового уничтожения укрепляет надежды на мир, осуществление лондонского и парижских соглашений повлекло бы за собой новую гонку вооружений, бремя которой быстро стало бы невыносимым для всех.

Ратификация этих соглашений парламентами не только не сохранила бы возможность переговоров, но создала бы положение, чреватое новыми опасностями для мира в Европе и во всем мире.

Народы поставлены таким образом

перед драматической альтернативой: либо переговоры, способные увенчаться разумным соглашением, либо акт произвола, который может свести на нет разрядку международного напряжения, — перевооружение Западной Германии и ее включение в военный пакт.

Народы должны оказать сопротивление ратификации лондонского и парижских соглашений.

Народы должны потребовать немедленного открытия переговоров между четырьмя державами в целях воссоединения Германии путем свободных выборов, а также в целях заключения государственного договора с Австрией.

Народы должны потребовать немедленного открытия переговоров между всеми европейскими государствами, независимо от их строя, с тем, чтобы обеспечить их безопасность и общее процветание путем сотрудничества между всеми.

Никакое правительство, никакое парламент не вправе располагать судьбой народа против его воли. Народы не дадут свершиться непоправимому.

Они не допустят осуществления перевооружения Германии и своими совместными действиями откроют путь к безопасности в Европе и к миру во всем мире.

Всемирный Совет Мира СТОКГОЛЬМ, 23 ноября 1954 года.

О положении, сложившемся в различных частях Азии в результате иностранного давления и системы военных блоков и коалиций

Изучив положение в Азии, сессия Всемирного Совета Мира выражает свое удовлетворение ввиду многочисленных счастливых событий, которые содействовали прекращению войн в Коре и Индо-Китае, создали условия для мира в Азии и облегчили ослабление международного напряжения.

Результаты Женевского совещания представляют собой победу миролюбивых сил. В Индо-Китае прекратились военные действия, и впервые за многие годы в этом районе мира нет больше крупных войн.

Совместная декларация премьер-министров Индии и Китая придала конкретную форму идеалу мирного сосуществования на основе следующих пяти принципов:

1. Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета.
2. Неприсяжание.
3. Невмешательство во внутренние дела других государств.
4. Равноправие и взаимная выгода.
5. Мирное сосуществование.

Эти принципы встретили горячий прием у народов Азии и всего мира и были приняты правительствами Бирмы, Демократической Республики Вьетнам, Советского Союза и руководящим правительством Индонезии. Эти пять принципов не только заложили основы мира и коллективной безопасности Азии, но их принятие дало бы основу для мирного сосуществования и дружественных отношений между всеми странами.

Эти события укрепили единство и солидарность в Азии, разрушив надежды тех, кто пытался заставить «азиатов» сражаться против азиатов». Однако сторонники войны вновь и вновь пытаются осуществить свои планы господства в Азии путем создания военных пактов, путем военных провокаций, путем все возрастающего вмешательства во внутренние дела азиатских наций и насилие над народами.

Чтобы сорвать эти намерения и обеспечить мир и безопасность в Азии, Всемирный Совет Мира призывает народы Азии и всего мира:

О положении, сложившемся в Латинской Америке в результате иностранного вмешательства во внутреннюю жизнь наций

Под прикрытием пактов и соглашений, якобы имеющих целью обеспечение коллективной безопасности американского континента, в странах Латинской Америки усиливается преобладание одного государства, вмешательство которого в жизнь этих стран является фактором всеобщего отсутствия безопасности.

Условия, в которых находятся в настоящее время страны Латинской Америки, являются препятствием для разрядки международного напряжения.

Эти условия следующие: — Отсутствие безопасности, которое вытекает из политики подготовки к войне и находит свое выражение в некоторых региональных пактах и соглашениях, укрепляющих суверенитет и свободу государств Латинской Америки и дающих повод для иностранной интервенции, подобной той, которая вызвала недавнее падение законного правительства Гватемалы.

Подписание двусторонних военных пактов и региональных соглашений, которые увеличивают политический резонанс конференции в Каракасе и включением стран Латинской Америки в агрессивные блоки. Все это вынуждает их отдавать большую часть своих естественных богатств на чисто военные цели и может вызвать миролюбивые народы в войну, противоречащую всем их интересам и чаяниям.

— Дорогостоящее и неоправданное усиление гонки вооружений в латиноамериканских странах, являющееся основной

угрозой их народному хозяйству и понижающее и без того низкий жизненный уровень народов этих стран.

— Давление, оказываемое на страны Латинской Америки, которое неоднократно проявлялось во время господства их представителей в ряде международных организаций, что представляет собой препятствие на пути к улучшению международных отношений и к разрешению путем переговоров некоторых конфликтов и нерешенных вопросов.

— Ограничение свободы торговли и распределения сырья в Латинской Америке, которое приводит к созданию обязательного рынка, одностороннему определению цен и мешает укреплению дружбы с другими нациями на основе взаимной выгоды.

— Ограничение культурных связей со всеми странами мира и давление, оказываемое на национальные культуры с целью навязать чуждые им формы.

Борьба за сохранение своего суверенитета и за обеспечение подлинной безопасности для всех и для каждого из них, народы Латинской Америки эффективно содействуют борьбе за мир в Америке и во всем мире.

Всемирный Совет Мира считает, что только путем сотрудничества между народами американского континента на основе равноправия и взаимного уважения народы Латинской Америки могут добиться процветания и укрепления безопасности.

СТОКГОЛЬМ, 23 ноября 1954 года.

О борьбе миролюбивых сил за разоружение и за запрещение оружия массового уничтожения

4 года тому назад в Стокгольме был объявлен призыв к полному запрещению атомного оружия.

Кампания, проведенная всеми народами вокруг этого призыва, помешала применению атомных бомб в Коре и в Индо-Китае. Упорная борьба народов принудила также правительства к прекращению военных действий в Коре и Индо-Китае.

Однако сегодня мы снова стоим перед военной опасностью, вытекающей из усиления гонки вооружений и непрерывного развития все более разрушительных средств массового уничтожения.

Воля народов может и должна еще раз обеспечить устранение этой опасности.

Всемирный Совет Мира с удовлетворением отмечает прогресс, достигнутый в ООН в обсуждении вопроса о разоружении и о запрещении атомного оружия. Он подчеркивает, что этот результат был достигнут методом переговоров, что свидетельствует о возможности соглашения путем компромисса. Именно такой метод позволил Генеральной Ассамблее единогласно принять резолюцию, открывающую путь к решению этих проблем.

Но стремление западных держав перевооружить Западную Германию и включить ее в военный блок в рамках лондонского и парижских соглашений подрывает усилия, направленные на осуществление разоружения, и ставит под удар уже достигнутые результаты.

Всемирный Совет Мира приветствует идущие сейчас переговоры о мирном использовании атомной энергии. В то же время он заявляет, что человечество будет в состоянии полностью применить ядерную энергию для мирного производства лишь после запрещения использования этой энергии в военных целях. Он убежден, что соглашение в этой области вполне возможно, равно как и создание удовлетворительного механизма для осуществления строгой инспекции и контроля.

Всемирный Совет Мира призывает великие державы удвоить усилия, чтобы безотлагательно достигнуть соглашения по этим

О положении, сложившемся в зависимых и полузависимых странах в результате иностранного давления и системы военных блоков и коалиций

Участники всемирного движения за мир всегда считали, что насилие, применяемое для того, чтобы удержать народы в состоянии колониальной зависимости и угнетения, представляют собой серьезную угрозу для дела мира.

Участники движения всегда считали, что иностранное вмешательство во внутренние дела полуколониальных народов, включение их стран в агрессивные пакты, создание иностранных стратегических баз на их территориях усиливают напряжение в международных отношениях.

Лондонские и парижские соглашения не только представляют собой угрозу для безопасности народов Европы и для мира во всем мире, но их осуществление имело бы непосредственные и тяжелые последствия для жизни колониальных и полуколониальных народов, у которых и без того столь горькая, а иногда трагическая жребий.

Всемирный Совет Мира вновь подчеркивает перед мировым общественным мнением опасность для дела мира, вытекающую из обстановки, сложившейся в различных зависимых и полузависимых странах. В Малайе, Кении, в Северной Африке вооруженные конфликты могут превратиться в открытые войны и поставить под угрозу мир во всем мире.

Во время войны в Индо-Китае всемирное движение за мир провозгласило необходимость и возможность прекращения подоб-

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Решения сессии Всемирного Совета Мира в Стокгольме (1 стр.).

Н. Рыленков. — Первая осень (2 стр.).
Размышления о поэзии. Стихи М. Рыльского, Д. Гуана, Р. Гамзатова, А. Яшина (2 стр.).

Предсезонская трибуна (3—4 стр.).

Б. Брайнина. — Талант и труд (5 стр.).
Народы Европы скажут свое веское слово! (6 стр.).

Т. Веледицкая. — Рассказ о монгольских друзьях (6 стр.).

важным вопросам на основе обсуждаемых сейчас предложений. Пока эта цель не достигнута, он требует, чтобы они пришли к немедленному соглашению по запрещению всех экспериментальных взрывов атомных и водородных бомб, легко и немедленно обнаруживаемых при современном состоянии науки. Он также настойчиво требует, чтобы все правительства без исключения немедленно взяли обязательство никогда не применять ядерное оружие под каким бы то ни было предлогом.

Тем не менее, эти шаги явились бы только первыми неотложными мерами, реализация которых ни в какой степени не должна задерживать разрешение главной проблемы: устранения всех средств массового уничтожения — атомных, бактериологических и химических — и всеобщее сокращение вооружений. Более того, эти меры явились бы сами по себе большим шагом на пути к более широкому и более важному соглашению о всеобщем сокращении вооружений, запрещении оружия массового уничтожения и об установлении международного контроля, предусматривающего посылку инспекционных групп во все страны.

Всемирный Совет Мира настоятельно требует, чтобы средства, которые высвободились бы благодаря всеобщему и контролируемому разоружению, были обращены на поднятие жизненного уровня народов, в частности, в экономически отсталых странах.

Он призывает народы всего мира повсюду и всегда требовать всеобщего сокращения вооружений и запрещения оружия массового уничтожения. Без этого невозможна политика мира.

Воля народов может и должна обеспечить достижение этих целей, если народы объединяются в этой священной борьбе и со всей решительностью заявляют правительствам и ООН о своем огромном стремлении к миру, взаимопониманию и человеческой солидарности.

СТОКГОЛЬМ, 23 ноября 1954 года.

Участники движения всегда считали, что иностранное вмешательство во внутренние дела полуколониальных народов, включение их стран в агрессивные пакты, создание иностранных стратегических баз на их территориях усиливают напряжение в международных отношениях.

Лондонские и парижские соглашения не только представляют собой угрозу для безопасности народов Европы и для мира во всем мире, но их осуществление имело бы непосредственные и тяжелые последствия для жизни колониальных и полуколониальных народов, у которых и без того столь горькая, а иногда трагическая жребий.

Всемирный Совет Мира вновь подчеркивает перед мировым общественным мнением опасность для дела мира, вытекающую из обстановки, сложившейся в различных зависимых и полузависимых странах. В Малайе, Кении, в Северной Африке вооруженные конфликты могут превратиться в открытые войны и поставить под угрозу мир во всем мире.

Во время войны в Индо-Китае всемирное движение за мир провозгласило необходимость и возможность прекращения подоб-

О созыве Всемирной Ассамблеи представителей миролюбивых сил

В настоящее время, когда так велики возможности укрепления мира, возникают новые опасности, способные свести на нет и эти возможности.

Только мощное движение самих народов может воспрепятствовать расколу мира на противостоящие друг другу блоки, не допустить возрождения тех армий, которые в прошлом уже принесли людям столько слез и горя, и освободить человечество от тяжкого бремени военных расходов. Только это мощное движение может обеспечить сотрудничество между государствами ради

их благополучия, ради сохранения их независимости и общей безопасности.

Всемирный Совет Мира торжественно обращается ко всем миролюбивым силам, ко всем мужчинам и женщинам, которые хотят жить без тревоги, без недоверия и ненависти в отношениях между народами. Он призывает их объединить свои усилия, пока не поздно.

Совет Мира принимает решение о созыве большой Всемирной Ассамблеи представителей всех миролюбивых сил во второй половине мая 1955 года.

СТОКГОЛЬМ, 23 ноября 1954 года.

О проведении великих культурных годовщин

В течение 1955 года народы всего мира будут отмечать следующие годовщины великих представителей мировой культуры:

Шиллер — 150-летие со дня смерти.

Микеланджело — 100-летие со дня смерти.

Монтескье — 200-летие со дня смерти.

Андерсен — 150-летие со дня рождения.

Сервантес — 350-летие со дня выхода в свет первого издания «Дон Кихота».

Литвин — 100-летие со дня выхода в свет первого издания книги «Листья травы».

Проведение великих культурных годовщин поможет народам обеспечить дружеские связи, независимо от границ, лучше узнать друг друга и укрепить мирное сотрудничество.

Всемирный Совет Мира обращается ко всем народам, писателям и художникам, к ученым, историкам, учителям, ко всем культурным и массовым организациям с призывом принять участие в проведении этих культурных годовщин.

СТОКГОЛЬМ, 23 ноября 1954 года.

Старейшая библиотека России

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Состоялся двухдневная научная конференция, посвященная 240-летию библиотеки Академии наук СССР. Эта старейшая библиотека страны создана в 1714 году. В основу ее фондов было положено книжное собрание Петра I. В 1725 году петровская библиотека полностью вошла в состав только что организованной Академии наук.

Сейчас библиотека Академии наук СССР — одно из крупнейших научных книгохранилищ Советского Союза. Ее фонды насчитывают более 10 миллионов томов; исключительную ценность представляют свыше десяти тысяч старых русских рукописных книг. Библиотека обменивается книгами с научными учреждениями и библиотеками 80 стран мира.

Сегодня мы рассказываем о людях одной из ведущих профессий бумажной промышленности — сеточниках. Они работают у бумагоделательных машин, на решающем участке большого конвейера, который начинается на лесных биржах комбинатов и кончается в отделочных цехах, где упаковывают печатную бумагу для отправки в типографии страны.

Труд сеточников требует не только опыта и внимания (ведь длина современной бумагоделательной машины достигает десятков метров), труд их — это постоянное творчество, результатом которого является высококачественная бумага для книг, журналов, репродукций. От труда сеточников в значительной степени зависит и экономия, и снижение себестоимости бумаги, и уменьшение расхищения сырья.

В первых рядах зачинателей социалистического соревнования бумажников за досрочное выполнение пятого пятилетнего плана оказались именно сеточники — люди сложной и тонкой профессии.

Сколько надо знаний, ума и терпения, чтобы, следя за отливом и формируемым бумажным полотном на тонкой металлической сетке, находящейся в непрерывном движении, изыскивать возможности для повышения скорости бумагоделательных машин, определять способы сокращения брака.

Повсеместно передовые сеточники ведут активную разведку резервов для дополнительного выпуска типографской бумаги. Эти поиски можно приравнять к исследовательской работе. Как это делается, можно судить по рассказу сеточника В. Суставова, работающего на бумагоделательной машине № 6 в Краснокамске:

— Машина у нас новая, недавно поступила в эксплуатацию. Проектная скорость была быстро освоена, и сейчас машина работает уже с повышенной скоростью — 210 метров в минуту. Но это еще не все, что может дать машина при условии, если нам помогут усовершенствовать ее. Прежде всего надо увеличить габариты напорного масса, из которого поступает бумажная масса. Сейчас бывает так, что масса переставляет через край ящика и залив ее на сетку трудно отрегулировать. Следует улучшить и пресовую часть: установив ее в виде конуса, а в виде конуса работают два, чтобы бумажное полотно поступало в сушильную часть менее влажным. Тогда мы уверенно будем работать на еще более высокой скорости — до 220 метров в минуту. А это значит — каждый сотни тонн бумаги сверх плана и при этом не матовой, как даем мы сейчас, а глазированной.

Краснокамский комбинат уже к 17 ноября завершил 11-месячную программу выпуска продукции. Сейчас, в условиях нарастающего соревнования, коллектив этого комбината готовится завершить годовой план к 15 декабря.

Такие же возможности открываются и перед другими предприятиями бумажной промышленности. На каждой фабрике, на каждом комбинате есть вожаки соревнования, равняясь на которых коллективы идут к новым успехам.

Бригада сеточников пензенской фабрики «Маяк революции» Антиповой, вырабатывая бумагу для книг, повысила на своей машине скорость на 9 метров в минуту. Это дало возможность бригаде только за 20 дней дать 4 200 килограммов бумаги сверх плана. Перешел на скоростной режим работы и пензенский сеточник Уланов.

Высокие темпы в работе набирают сеточники Калининградского бумажного комбината. Здесь принято обязательство закончить годовой план выработки бумаги ко Дню Конституции — 5 декабря. Бригада сеточников Романовой, например, начала работать в счет последнего месяца этого года еще 29 октября. Ее примеру следуют бригады сеточников Блиссеева, Андреевского и Кузнецова.

Опыт передовых должен стать достоянием всех участников социалистического соревнования работников бумажной промышленности.

ДРУГ И ЗАЩИТНИК НАРОДА

«Имена борцов за правду... будут сиять подобно сверкающим звездам перед будущим армянским поколением на горизонте современной им истории». Эти слова Микаэла Налбандяна могут быть целиком отнесены к нему самому. С юных лет и до конца жизни он боролся за правду, за социальную справедливость, за счастье трудового народа. И теперь для нас, людей другой эпохи, благородный образ М. Налбандяна — революционера-демократа, философа-материалиста, выдающегося общественного деятеля, критика, поэта, романиста — становится все ярче, ближе, величественнее.

М. Налбандян вышел на арену общественной деятельности в период, когда в России и на Западе все более разгоралось пламя классовой борьбы.

С юных лет М. Налбандян вступает в борьбу с двумя своими главными врагами — армянскими реакционерами и царским самодержавием. Постепенно складываются у молодого М. Налбандяна материалистические философские взгляды революционных демократов. Учителями и союзниками стали для М. Налбандяна русские революционеры — Герцен, Огарев, Белинский, Чернышевский. М. Налбандян упорно учится. Он сдает экстерном экзамены в Петербургском университете, получает право на преподавание в московском Лазаревском институте восточных языков. По доносу католического Нереса Аштаракского, сыгравшего ранее гнусную роль в гибели великого армянского просветителя Хачатуряна Абовяна, в январе 1854 года М. Налбандян был арестован московской полицией для отправки в этапном порядке в суд в резиденцию католического в Чмиадзин. Выйти из тюрьмы ему удалось, но работу в Лазаревском институте пришлось оставить.

В последующие годы (1854—1858) М. Налбандян, будучи вольнослушателем медицинского факультета Московского университета, широко изучает естественнонаучные дисциплины. Здесь, в Москве, в студенческих кружках углубляются и крепятся материалистические взгляды М. Налбандяна, здесь он стал читать «Колокол» Герцена и другую запрещенную литературу.

В 1858 году М. Налбандян стал сотрудничать в издававшемся в Москве на современном армянском языке журнале «Юсепай» («Северное сияние»). Немалая часть армянской интеллигенции ожидала света для армянского народа только с Запада. Организаторы «Юсепай» указывали своему народу, что свет идет из России. Стоит отметить и еще одно обстоятельство. В противовес феодально-клерикальным кругам, упорно отстаивавшим необходимость употребления древнеармянского языка, журнал боролся за использование живого литературного языка.

Под прямым влиянием сочинений Белинского и Чернышевского демократические убеждения М. Налбандяна приобретают все более сознательно политический, отчетливо революционный характер.

Резко бичует М. Налбандян «патриотизм» армянских националистов из лагеря крепостников и буржуазии. «Патриотизм? Почему же, с какой это стати вы патриоты? Почему вам не называться брехоборами, рыцарями денежных мешков, сребролюбцами? Вы же за две копейки можете продать не только почтенное имя патриота, но всю свою нацию и даже кости своих покойных отцов».

Против журналиста и особенно против ведущего публициста журнала — М. Налбандяна ополчились все армянские реакционные круги. Особенно резко выступил редактор журнала «Голубь Масиса» архимандрит Габриэл Айвазовский, неоднократно писавший доносы на М. Налбандяна. Много раз подвергался М. Налбандян допросам и в министерстве и в цензурном комитете.

В связи с гонимыми на журнал «Юсепай» М. Налбандян предлагает пере-

К 125-летию со дня рождения Микаэла Налбандяна

сти журнал за границу — в Париж. После отказа редактора С. Назарянца М. Налбандян порывает связь с журналом. В 1859/60 году М. Налбандян дважды побывал за границей, первый раз в том, чтобы создать орган, близкий по духу герценовскому «Колоколу». Он хорошо знал тяжелую жизнь армянского народа, той его части, которая проживала в западной Армении, находившейся в тисках турецкой

деспотии. М. Налбандян, убежденный в том, что только в единении с русским народом армяне обретут свободу, стремился принять участие и в борьбе турецких армян против султанизма. Он едет в Константинополь, где были сосредоточены основные общественно-политические группы и организации армян с их прессой. В местной прессе появилась его громкая статья против армянских реакционеров, за что один из них назвал М. Налбандяна «красным республиканцем» и «социалистом». В противовес феодально-клерикальным кругам, упорно отстаивавшим необходимость употребления древнеармянского языка, журнал боролся за использование живого литературного языка.

М. Налбандян отлично понимал, что национальное самоопределение армян, проживавших в России, связано с русской революцией. Он был глубоко убежден, что русская революция освободит от гнета эксплуататоров не только русский народ, но и другие народы России. «Свобода России имеет огромное значение для свободы всего человечества», — писал он.

В Лондоне в 1861 году армянский революционер близко знакомится с Герценом и Огаревым. Хорошо известна высокая оценка, которую дали М. Налбандяну эти выдающиеся русские общественные деятели. Достаточно сказать, что Огарев лично принял активное участие в петербургском распространении в России книги М. Налбандяна «Земледельцы как правильный путь», выпущенной в Париже в 1862 году под псевдонимом Симеона Маликина. В этой работе М. Налбандян резко критикует крестьянскую реформу 1861 года в России. Как и Чернышевский, он считает, что царское самодержавие обмануло крестьян. «Какое утешение крестьянину от этой перемены названия, раз пользование осталось без изменения. Могут сказать, что при таком освобождении крестьянина в

экономическом отношении хоть и теряет больше, чем выгадывает, но, по крайней мере, он освобождается от рабства и изпод власти и ярма господина. Но и в этом не было бы ничего утешительного для крестьянина. Да, он должен был избавиться от господина, но взамен этого он попал в руки правительственных чиновников, т. е. — из огня да в полымя». Революционным гневом насыщены строки книги. «...Крепостной разрешит этот вопрос сам — при помощи топора», — восклицает М. Налбандян.

Революционным обличением подвергает М. Налбандян грабительскую политику европейских государств, и в особенности Англии, по отношению к народам Азии. По его мысли, национально-освободительное движение должно противодействовать «цивилизаторской» политике европейских держав, когда за счет обезземеленного крестьянства «опекаемых» стран обогащаются капиталисты Европы.

Гневно бичевал М. Налбандян тех «революционных» деятелей, которые боялись революционной бури. «Многие люди с бабьей душой, наблюдая с берега опасность, прескажут тебе неизбежную гибель... Им невелома только бояться, они не знают, что гроза всегда очищает воздух...».

Критикуя общественно-экономический строй царской России и капиталистических стран Западной Европы с позиций утопического социализма, М. Налбандян возлагал надежду на свободную общину, развитие которой на основе науки и техники, по его мысли, даст трудовому крестьянству, в том числе и армянскому, подлинно человеческие условия жизни.

Весною 1862 года М. Налбандян вернулся в Россию, где вскоре был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости рядом с Н. Г. Чернышевским. М. Налбандян обвинялся вместе с Н. Чернышевским и Н. Серно-Соловьевичем по делу 32-х за связь с лондонскими пропагандистами. По решению особой сенатской комиссии М. Налбандян был сослан в г. Камынин, где и умер от туберкулеза 31 марта 1866 года. Прах пламенного борца был перевезен в родной город — Новый Нахичевань-на-Дону. Похороны носили необычайный характер. Как рассказывала в 1910 году пишущему эти строки одна из участниц, на похоронах присутствовало не только все население города, но и крестьяне-армяне из окрестных сел. Это была подлинная демонстрация народной любви и уважения, которыми пользовался писатель и гражданин М. Налбандян, зашедший в 1861 году: «Мы добровольно посвятили себя делу отстаивания прав простого народа... И для достижения этой цели мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, а будем стремиться не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоится взять оружие в свои руки и добить проповеданную до сих пор свободу и омыть ее своей кровью».

В Микаэла Налбандяна сочетались теоретик и практик революционно-демократического движения. Он обладал обширными знаниями в области общественных и естественных наук. Возмущенная была его творческая энергия писателя-борца и ученого. В Петропавловской крепости он занимался философией Гегеля, диалектикой которого привнесла его внимание, а идеалистическая сущность этой системы возмущала. Он писал сравнительную грамматику армянского языка, критические работы об армянских писателях Х. Абовяне, И. Прошьяне и П. Патагане. В письмах из тюрьмы он выражал непоколебимую веру в победу того дела, за которое он боролся.

В наши дни, когда осуществилось то, о чем он мечтал, за что боролся, образ революционного демократа Микаэла Налбандяна становится по-новому близким и дорогим.

И. КУСИКЯН

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ

Максим РЫЛЬСКИЙ

Определение поэзии

Она — румяный цвет весны,
Любви отблеск...
А в дни невзгод? А в дни войны? —
Солдата снаряженья.

Она — лазурный небосвод,
Былина, рек пространство...
А раб восстанет на господ? —
Булат в руках повстанца.

Она — бесценная руда,
Блеск искры прихотливый...
А в дни великого труда —
Кузнец трудолюбивый.

Она — гармоний напев,
Дух мира и согласия...
Как меч, ее разящий гнев
Агрессору опасен.

Когда же, как весна-красна,
Придет расцвет Коммуны,—
Заставит радостно она
Затрепетать все струны!

Перевел с украинского
М. ШЕХТЕР

Дмитрий ГУЛИА,
народный поэт Абхазии

В книжной лавке

Томы с тиснением золотым,
Новинки на прилавке.
Стоим мы с другом, молодым
Поэтом, в книжной лавке.

С обидой томик свой берет
Мой друг, поэт абхазский:
— Тираж не тот, формат не тот,
Не те, хоть крепко переплет,
На переплете краски.

Купив, сует в карман пальто,
Ворчливо что-то мелет:
Мол, вот, смотри — издать и то,
Как надо, не умеют.

И тут уж я смолчать не мог,
И я сказал ему:

«Сынок,

Твой труд здесь на виду,
Об этом я не мог мечтать,
Когда решил стих издать
В двадцатидесятом году.
Для тех, кто коварил сохой:
Свою полосу в поле,
Издавая на заработок свой,
Учительствуя в школе.

Я весь тираж на этой вот,
На собственной спине
Снес в дом. И ждал, когда зайдет
Случайный гость ко мне.
Зайдет, не скажет ничего —
Качает головой.

Пока я книгу для него
Несу из кладовой,
Там сырость с книжечек моих
Мое стирала имя.

И мысли, обнуравив их,
Один питались ими.

И я, с семейством раз в году,
Пыл с ним сметая яро,
Не только не имел в виду —
Не верил в гонорары.
И счастья был одну из книг
Пручить из пыльной груды
Тому, кто грамоту постиг,
Букварь осилил чудом».

Не знаю, верит ли тому
Мой друг, поэт абхазский.
Раскаян мой кажется ему,
Должно быть, страшной сказкой.
А прощадная книга книг
Кладет к одной — одна:

Не залезай в кладовых,
Не смаковали мыши их,
И золотом — среди других
И наши имена.

Перевел с абхазского
Ю. ГОРДИЕНКО

Расул ГАМЗАТОВ

Дорога

Кто рассвет видит раньше —
жизнь длинней у того, —
Так отец говорил
И вставал рано-рано,
И в райцентр из родного аула

Одна и та же дорога вела постоянно,
Не ходил он дорогой, где все, по
его шоссе,
Был длинней его путь —
по ущельям,
лугам и крутизнам.

Удивленному, мне объяснял:
«Там, в цветах и росе —
Дорога моей поэзии,
Путь моей жизни».

Там следы его мыслей,
как будто росинки дождя,
Там волнений его
ветер
высокогорный касался.

Там стихи и поэмы свои он сложил,
И в беседах с героями
длинным
тот путь не казался.

Нет отца моего. Я в ауле. Хожу
и грущу,
Мне дорогу отца показывают аулчане,
И хожу я по ней,
для стихов
слов отцовских ищу,

Нет, найти не могу,
будто все у отца отлучили.
Будто сказано было —
лету слов.
Я ходил, и к концу
походивший немного,

И сказал он:
«Оставь ты отцовскую тропку отца.
Ты поэт?»
Так ищи —
где твоя пролегла дорога.

Непохожую на твою, нехоженую,
найди!» —
Так сказал и исчез он,
оставив в далеком ауле.

И стоял я
и слушал сердцебиенье в груди:
Для поэзии и для жизни
свою дорогу
найду ли?!

Перевел с аварского
М. ЛУЮНИН

Александр ЯШИН

Товарищам по оружию

Что за лес, если в нем не страшно,
Ни волков, ни медведей нет.
Даже пень — с клеймом и закрасен,
Никаких особых примет.

Все расчерчено по линейке,
Огорожено, подметено:
Тут положено быть скамейке,
Рядом озеру быть долино.

Вдоль опушки цветов невозможно,
Два дубка посреди лужка
И приканатная дорожка,
Как стихи моего дружка.

Павильончики да беседки,
Каменным выслан подход к ренке.
Здесь и птиц живут, как в клетке,
И собаки на ремешке.

А ведь рядом — рудные горы,
Стрельцов пород сосны,
Настоящие волчьи норы,
Следяной водой родники.

Свищет ветер — быть бурелому,
Гром ударит — потопу быть.
В дебри эти и днем из дому
Без ружья не смей выходить.

Там и ягоды и жинница,
Незвездные пути.
Есть за что постоять, с чем биться,
Есть и душу где отвести.

Ведь не в парках же нам, поэтам,
Не в беседах век исковать.
Мы, по чести, должны и в этом,
В настоящем бору бывать.

Первая осень

Николай РЫЛЕНКО

В один из мартовских дней к секретарю райкома партии позвонил заместитель председателя райисполкома Бизунов.

— Разрешите, товарищ Шарев, зайти к тебе на минутку по личному делу.

— По личному? — переспросил секретарь и тяжело вздохнул. — Ох, уж и не знаю, что тебе сказать. Может быть, как-нибудь после зайдешь? И только что вынул для беседы несколько человек из нашего актива, которых мы хотим рекомендовать председателям колхозов. Сам знаешь, что дело это не терпит отлагательства, особенно у нас...

— Нет, Николай Семенович, я очень прошу принять меня именно сегодня, — настойчиво повторил тот, — у меня неотложное дело.

— Ну, что ж, если так, заходи.

Шарев был избран секретарем Починковского района совсем недавно. Приехал он сюда из Смоленска, где работал председателем горисполкома. В эту весну немало партийных и советских работников из областного центра были посланы в отдаленные районы. Шарев же до Смоленска работал секретарем сельского района и, естественно, оказался в числе первых посланцев города в одном из наиболее трудных районов. Сейчас он только знакомился с активом и чувствовал, что кое-что относится к нему недоверчиво, настроенно, — из областного центра приехали-де человек...

Поэтому-то он и не решился отказать заместителю председателя, хотя сейчас вовсе не был расположен заниматься личными делами. Какое уж тут личное дело, если прежде руководителем района провалило подготовку к весне.

Бизунов явился через несколько минут после телефонного разговора.

Это был худощавый мужчина лет сорока, чуть повыше среднего роста, с той спокойной уверенностью диспетчера, которая говорит, что человек знает себе цену. Выйдя в кабинет, он остановился у двери, нетерпеливо с силой шагнул, вступил, растегнул пальто и только после этого подошел к столу.

— Ну, что там у тебя такое стряслось? — протягивая ему руку, спросил Шарев и кивком головы указал на стул.

— Ты, конечно, читал в «Рабочем пути» фельетон «Председатель в соломе»?

— Ну как же. Это о председателе нашего пригородного колхоза Степачкине. Его, plainly, чуть не задавили тракторист. Удивительно, как до сих пор такого пьяницу терпят колхозники. Я думаю, что его нужно заменить в первую очередь.

— Я как раз за этим пришел, Николай Семенович. Пошлите меня.

Встретив вопросительный взгляд секретаря, который был немножко ниже его роста и потому смотрел снизу вверх, слегка запрокидывая голову, Бизунов с минуту помолчал, как бы давая время секретарю взвесить его предложение.

— Так, — неопределенно протянул Шарев.

— Да, вот так, — повторил Бизунов...

Колхозники встретили нового председателя без особого энтузиазма. Одни — те, кто, спешившись с бывшим председателем, больше промышляли на стороне, чем работали в колхозе, боялись, что кончится их вольготное житье; другие же сомневались — приживется ли он у них, не окажется ли безработным. Никто из колхозников не выступил за нового председателя, никто не возражал против его кандидатуры.

Сергей Ивановича не огорчил этот холод.

— Ты бы хоть сказал им пару теплых слов, чтобы они оттаяли. — полуметодно посоветовал ему приезжавший с ним в качестве «свата» Шарев.

— Ничего, ничего, все в порядке, — усмехнулся Бизунов. — Старая поговорка говорит: выбирай жену не в хоровах, а в огороде. Вот поработаем вместе, и дождик, надвоешь, пойдет.

Приняв дела, Бизунов в первые же дни осмотрел все хозяйство колхоза, собрал в правление стариков.

— Обошел я скотные дворы и увидел, что оттуда года три навоз вывозили.

Почему это? Или наша земля в удобрениях не нуждается?

— Как не нуждается! Очень даже нуждается.

— Так почему же навоз не кладете?

— Возить не во что. Старые телеги добили, а спрыгать новые тот председатель не позаботился.

— Так вот я и надумал купить сани и телеги с полным комплектом сору, — сообщил Бизунов. — Иодержите на заседании правления?

— Да что же против такого хорошего дела пометет хоть слово сказать? — развел руками Петр Минченков. — Я семьдесят годов на свете живу, а такого не видел, чтобы хозяин зря коней кормил. У нас же они целое лето грачей палят. На скотном дворе навозу накопилось под самую крышу, а земля топится.

— Что правда, то правда, — подтвердил старик Матвей Кузьмич Степачкин. — Без навоза-батюшки не жди хлеба от земли-матушки. Ты, Сергей Иванович, похозяйлики рассуди.

Через несколько дней после этого разговора в колхозе появились новые сани и телеги. Бизунов сумел закупить в райпотребсоюзе и упряжь.

Когда по последнему санному пути началось вывозка навоза, Сергей Иванович явился на скотный двор и взял в руки вилы.

— Глядите, еще голова с непривычки заболит от самого навозного духу, — пошмыкались колхозники.

— Ничего, — отшучивался Сергей Иванович, продолжая работать вместе со всеми.

«Ну вот, холодок и подтаил», — решил про себя Бизунов. Он уже знал, что на вывозке навоза работа пойдет и без него, что ему теперь можно заняться и другими делами. А дел, и самых неотложных, было много. Нужно было достать семена, организовать льноводческие звенья, завезти минеральные удобрения, создать строительные бригады.

До сих пор в колхозе строительство шло через пень-колоду, хотя плотников было достаточно.

При попустительстве прежнего председателя некоторые плотники работали везде где угодно, только не в своей артели. Все лето они отхаживали, а в колхоз возвращались только на зиму. Семьи их, как правило, выработывали минимум трудовой, а в остальное время копались на своих усадьбах.

Сергей Иванович начал индивидуальную обработку самого залядого отходника

Василия Сенченкова. Сенченков согласился: действительно, стыдно работать на сторону, когда в своем колхозе недостроен скотный двор, нет молотильных сараев, когда зерно хранится в плохонных старинных амбарах. Он даже выступил по этому поводу на собрании и взялся возглавить одну из бригад.

«Ну, усевиста!», — подумал Сергей Иванович.

Когда бригада приступила к работе, Сенченков все утро не выпускал топора из рук, а уходя домой подвешивал, даже сапоги оставил. Нечего, мол, таскать лишнюю тяжесть, все равно ведь после обеда возвращаться сюда.

«Зря про человека बातуют», — решил председатель. Но после обеда Сенченков на стройку не пришел, не явился и на другой день.

Поглядя на оставленные им сапоги-плотника и удивившись, Сергей Иванович начал рассуждать: дескать, перехитрил нас всех бригадир. Сергей Иванович понял, что одним хорошами разговорами дисциплину не поднимешь, что к таким людям, как Сенченков, нужно применять более строгие меры.

На одном из общих собраний Сенченков был исключен из колхоза. Впрочем, исключать пришлось только его одного.

Колхоз каждый год запаздывал и с посовными работами и с уборкой. Поэтому даже тот небогатый урожай, какой удавалось вырастить, неполюбно оставался в поле. Прежние руководители в свое оправдание ссылались на нехватку рабочих рук. В колхозе считалось 269 человек трудоспособных, но 98 из них постоянно работали на производстве в Починке, да, кроме того, кое-кто, как уже говорилось, в самое горячее время уходил на отхожие заработки.

Сергей Иванович убедился, что сразу и полностью прекратить такое отходничество трудно, но ему все-таки удалось сократить его.

И в первый раз за последние годы колхоз не только справился во-время с полевыми работами, но одновременно и развернул большое строительство. За одно только лето был достроен типовой коровник с подсобной дорогой для подвозки корма и автопоилкой, с двумя сильными полушальными, сооруженными новейшей техникой, кормушками, три крытых тоза, зернохранилище и самая большая гордость колхоза — электростанция.

Да и поля в нынешнем году имели другой вид, чем в прошлом. Рожь дала по одиннадцати центнеров с гектара, озимая

пшеница — по двенадцати. Подвела, правда, яровая пшеница — принесла всего по шести центнеров. Но зато как вырубил лен!

Несмотря на разреженный посев, он убрал такой полновысти, что треста по качеству вышла не хуже, чем при загущенном посеве. Если в прошлом году колхоз от всех отраслей хозяйства получил всего 255 тысяч рублей дохода, то нынче только один лен уже дал 1 470 тысяч рублей. На трудодень колхозники в прошлом году получили по 450 граммов зерна и по 58 копеек, нынче же, по предварительным подсчетам, им выдают не менее двух килограммов зерна и по 5 рублей на трудодень.

Выдавшив виды райкомовский газет, тяжело отфыркиваясь, пробирался по безлюдной осенней дороге среди затихших, безлюдных полей. И эти тишь и безлюдье в полях радуют сейчас сердце так же, как веселый шум весной и в страдные дни лет.

Сергей Иванович, расположившись на заднем сиденье, то и дело вытаскивает шею, чтобы выглянуть из машины, и, наконец, просит шофера остановиться. Мы выходим вместе с ним на обочину дороги.

— Здесь для опыта мы полтора гектара обрабатывали по методу Мальцева. Смотрите, какая здесь озимь. А ведь земля одна и та же. Дополнительных удобрений не клали, — поясняет Сергей Иванович.

И действительно, озимь на опытной площадке настолько выше и зеленее, чем на соседних, что сразу бросается в глаза.

— Если все будет хорошо, в будущем году отведем для опыта больше участка, — продолжает Бизунов, явно любующийся озимью, и вдруг обращается к секретарю райкома:

— Я считаю, вообще, Николай Семенович, озиме хлеба у нас лучше удаются, чем яровой. Особенно пшеница. Но по плану мы должны посеять яровых в два

Поговорим о сатире

Г. ТРОПОЛЬСКИЙ

Когда заходит речь о проблемах литературы, то часто вопросы развития сатиры или опускаются совсем или в лучшем случае этих вопросов касаются вскользь, мимоходом. Более того, много раз приходится слышать, что самое важное — создать в литературе образ, достойный подражания, а отрицательное в нашей жизни сгинет якобы само собой. Мне кажется, что здесь недоразумение, видимо, происходящее от непонимания самой сути действительности. Жизнь, действительность — это сложное и многогранное. Отражение ее в литературе с партийных позиций прежде всего должно являться результатом изучения жизни. Неужели все то, хорошее, прекрасное, что сделано советским народом, должно быть просто, без лишней, без яростных схваток со старым? Неужели эта борьба нового со старым уже затухла? Разве мы избавились уже от бюрократов, подхалимов, клеветников, от мздоимства в разных проявлениях, пьянства, религиозных предрассудков, от проникновения капиталистического влияния извне? Нет, не избавились. Значит, эти пороки есть в действительности, они — не призрак, не тень, которая растает «по шуму вельев», они и есть проявление борьбы старого цепкого, живучего старого с новым.

Любовь, как и ненависть, — правовочные чувства в нашей жизни, без них мы были бы бессильны в этой борьбе. Отражение жизни в литературе — это показ борьбы, это пламенная любовь к новому и жгучая ненависть к старому, все еще имеющему место у нас, среди нас, в самих нас, то есть в нашей реальной действительности. Формирование нового советского человека происходит в этой борьбе. Задача советской литературы: помочь формированию полноценной личности, научить любить и ненавидеть. Следовательно, совершенно естественно в литературе изображать и положительного и отрицательного.

Некоторые критики, на словах соглашаясь с тем, что «нам нужны советские Гоголи и Шедрины», на деле начинают рекомендовать в каких-то дозах нужно преподнести читателю в произведениях положительное и в каких-то — отрицательное. Рецепт обычно дается по одной схеме:

- а) два порошка положительных и не более порошка отрицательного — хорошо.
- б) два на два порошка — допустимо;
- в) один порошок положительного, а два и более отрицательных — уже грехопадение.

Мне представляется, что подобные схемы, мягко выражаясь, не учитывают особенностей советской сатиры, особенностей творчества каждого данного писателя. Каждый пишущий знает, сколько бессонных ночей, мучительных исканий, а подчас и страданий доставляет автору его труд. И какое истинное наслаждение приносит окончание работы. Кто из нас, склонившись над каким-нибудь местом своей рукописи, не смеется беззвучным смехом, боясь разбудить членов семьи? Кто не плакал искренне и неподдельно, в одиночку, над своими героями (иногда и отрицательными)? Кто не улыбался, видя ожившего на страницах рукописи героя, которого ты же создал и знаешь теперь, как друга? Кто не дрожал от негодования при виде поступков персонажей, которых ты ненавидишь? Было, конечно. Было. А если этого не было, — значит, не написано тобой еще ничего толком. Чувства, эмоции являются результатом восприятия действительности в соответствии с вашим мировоззрением, они воплощаются в образы. И читатель-друг стоит за спиной, он чувствует и понимает вас, радуется вашей радостью, плачет вашими слезами.

Видеть жизнь по-своему, своими глазами, воплощать ее в живые образы, ощущать невидимую нить к сердцу читателя, для которого ты пишешь и живешь, которому ты отдаешь всю свою душу без остатка, — вот смысл писательского труда. И вдруг некий критик говорит тебе:

«Стоп! Один порошок можно, а два — нет». А почему, собственно? Ведь не в аптекарской дозировке дело, а в силе изображения положительного и отрицательного. Если автор чувствует правду нашей действительности, если он любит ее всем сердцем, то он имеет право в своем произведении, как художник, стать лицом к лицу с отрицательным типом один на один. Это неслеткий, но творчески закономерный и правомочный поступок. Ведь отрицательный тип живет и действует не в безвоздушном пространстве. Если он ходит по нашей земле, любимой автором, живет среди людей, любовно описанных автором, то у читателя возникает отражение к этому типу и укрепляется любовь к родной земле и к людям, на ней живущим.

Особенность советской сатиры, в отличие от дореволюционной, в том, что наша сатира должна укреплять у читателя веру в советское общество. Именно с этой точки зрения должно осваиваться наследие классиков русской литературы. Важно понять самую суть вопроса: как обличительная, жестокая сатира сможет лучше укреплять веру в наше общество?

Прежде всего советская сатира не есть обличение нашего общества, — это обличение сил, мешающих движению нашего общества вперед. Поэтому, думается мне, вряд ли возможно в сатирическом произведении обойтись только одним жанром обличения и злой издевки. Лирика, негодование, легкая улыбка, сарказм, юмор должны объединяться, должны чередоваться по мере того, каким методом, о ком и о чем говорит художник. Здесь, видимо, Шедрин, Гоголь, Чехов, Тургенев, Короленко, Маяковский очень и очень нужны нам, как учителя. Но осваивать наследие классиков литературы нужно не выгоняя, а творчески. На наших глазах появились сатирические произведения, в которых изображение реальной жизни противоречило правде жизни, а погоня за формой приводила авторов к энигматизму в использовании на-

НАБЛЮДАЯ ЖИЗНЬ

— Ну вот и список действующих лиц готов.

следия классиков. Читатель и зритель оторвется эти произведения.

Между тем, если писать жизнь так, как ее видишь, то форма, стиль, слог приходят сами. Образ, характер сами подсказываются манеру письма. Нельзя написать о положительном и отрицательном герое одним языком, одним способом. Мы говорили выше, что сатира и юмор не исключают лирики — да, каждому характеру нужно отдать свое. Все изгибы душевных волнений писателя облекаются в образы, которые требуют разного «разговора». Эмоциональное чувство многогранно, как сама жизнь. Важно передать его поэтически.

Еще больше всего и ярче всего может отразиться лицо автора, его внутреннее содержание, его близость к читателю? В лирических отступлениях, в отношении автора к природе в наших сегодняшних произведениях. Великое счастье — читать гениальное сатирико-поэтическое Гоголя! И когда в жанр сатиры резко врывается лирика, то это очень хорошо. Только неутрачивая искусство логично могут считать такое сочетание неправомерным смешением стилей.

В сатире все жанры хороши, кроме «жанра» зубоскальства. Советская сатира может быть и, вероятно, должна быть объединением нескольких жанров.

«В лирической поэзии пост является субъектом, и потому-то в ней так часто и такую важную роль играет его личность, его я, а ощущения и чувства, о которых он говорит, как о своих собственных, будто бы одному ему принадлежащих, мы приписываем себе, узнаем в них моменты собственного духа», — писал Белинский. Я подчеркиваю последнюю фразу потому, что в ней указана самая суть, основной признак слитности и единства автора с читателем. Да, право же, и в сатире можно одним кусочком неба, роллом и любимого, придать лирического подтона, еще поющего по нашей земле.

Не время ли нашей критике подумать о методах гениального Белинского в оценке художественных произведений? Нам нужны литературные обозрения, полные глубокой мысли, насыщенные самой жизнью; обозрения, которые нельзя без волнения читать, от которых нельзя оторваться, не дочитав до конца; обозрения, которые нужны и писателю и читателю.

Все писатели, с кем мне приходилось говорить о критике их произведений, согласны с тем, что уметь видеть недостатки своего произведения — не менее важное качество, чем умение наблюдать и обобщать. Критик — руководитель писателя. Но нельзя же делать так, как делают иногда у нас: одну-единственную статью критика, да еще порою безобразную или ошибочную, редакция и издательство принимают за приговор, который «обжалованию не подлежит». Между тем отдельные критики не знают действительности, о которой написано произведение. Этот вывод лично я «проверил», так сказать, на собственной «ширине» (в частности, прочтя статью И. Уринова в «Литературной газете» о моем рассказе «Соседи»).

От писателя требуется обязательное наблюдение, изучение и обобщение явлений жизни, иначе он не писатель, а в лучшем случае сторонний наблюдатель. А вот от критика не принято этого требовать. И какие же странные выводы иногда получаются, когда человек «обобщает» то, чего не знает. Можно ли воспитать читателя, который должен составлять мнение о книге по таким статьям? Тот, кто критикует, обязан знать предмет или деталь предмета не хуже того, кого он критикует. Эта общепринятая в нашем обществе истина не всегда соблюдается в литературной жизни.

Только при соблюдении этой истины писатель доверит свою руку другу и учителю — критику и скажет ему: види, учи, и я буду слушать твоё слово — строго, требовательно и душевно; это ты, видящий больше меня, стоишь между мною и читателем и близок обоим и любим.

На Украине мне рассказали два случая из недавней театральной практики.

Работник бывшего украинского репертежа приехал в областной театр на просмотр спектакля «Под золотым орлом» Ярослава Гала. Обдирив спектакль, товарищ из центра многозначительно посоветовал: «Зачем писать на афише — трагедия? Напишите просто — пьеса».

Театральный коллектив Днепропетровского дворца студентов начал работу над советским водевилем. Когда дело дошло до инстанций, от которой зависит окончательное утверждение репертуара, инстанция изрекла: «Театральный коллектив должен ставить не водевил, а пьесы».

Приведенные примеры отнюдь анекдотичны. Но можно привести десятки менее анекдотических, но еще более убедительных фактов, неоспоримо показывающих, что оборотной стороной «теории» бесконфликтности было стирание жанровых граней в драматургии и театре.

Русская классическая драматургия создавалась и развивалась как драматургия жанрово-многообразная. В творческом наследии Островского мы встречаем не только народную драму, комедию, но и драматическую хронiku, сцены из деревенской жизни, драматический этюд, весеннюю сказку. Вспомним настойчивость, с которой Чехов отстаивал жанровую принадлежность своих комедий, усматривая в этом один из залогов их правильного сценического прочтения. Жанровая определенность свойственна и пьесам Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина, Сухово-Кобылина.

Достоинно продолжают эту традицию и произведения, составившие золотой фонд советской драматургии. Я имею в виду не формальное обозначение жанра в заголовке пьесы, а сумму художественных приемов и особенностей, определяющих отношение автора к изображаемому им явлению. С этой точки зрения мы отчетливо различаем жанровые особенности «Любви Яровой», «Аристократов», «Мамыньки», «Кто смеется последним», «Незабытаемого 1919-го», «Тани» и других произведений советской драматургии.

Почему же за последние годы и драматургия и театры так часто проявляют небрежение жанром, почему так робко расширяется жанровая палитра драматургии? Происходит это, видимо, потому, что мы до сих пор не осознаем, какую первостепенную, огромнейшую роль играет в творческом процессе выбор жанра. Мы забываем, что в этом проявляется идейная зрелость художника, его способность правильно оценить существо подмеченного им жизненного явления. Предлагаю театрам жанрово-безликие пьесы, мы скрываем художественные возможности режиссуры и актеров и способствуем угрожающему единообразию сценического почерка большинства театров, на которое справедливо сетует наш зритель.

Подчеркивая важность соответствия жанра пьесы ее идейно-художественным задачам и характеру тех жизненных явлений, которые в ней отражены, Станиславский говорил: «...писатель приходит к решению одно явление жизни показать через комедийную сущность его, другое — через драматическую... считает необходимым в одном случае применить к рассказу о виденном... острую рапиру сатиры, а к другому повествовать в лирическом тоне».

В самом деле, и Иван Романов из комедии «Данилова роща» А. Корнейчука и Степан Топилин из драмы «Сердце не продает» А. Софронова вступают в конфликт с передовыми людьми колхоза, которые не хотят мириться с устаревшим в жизни, а стремятся идти в передовых рядах борясь за коммунизм. Но если Корнейчук разглядел комедийную сущность характера Романова и его взаимоотношений с близкими ему людьми, то Софронов захвачен драматическим существом кон-

ц. СОЛОДАРЬ

фликта Топилина с окружающей его средой. Корнейчук понял, что Романов может быть перевоспитан путем осмеяния; Софронов же единственно верное средство разоблачения далеко зашедшего в своих заблуждениях Топилина увидел в драматическом разрешении сюжета. Эти примеры наглядно показывают, как к насущным темам нашей действительности можно подходить исходя из разных жанровых ракурсов.

Между тем ретивые сторонники нивелированной пьесы (и поныне мешающие развитию жанрово-многообразия советской драматургии) подхалимы ко всем пьесам и спектаклям с одинаковой меркой, с одинаковыми требованиями. Вульгаризируя указания партии о высокой идейной роли советского театра, изгоняли смех из драмы и требовали «серьезных» реминисценций в водевиле. А это обесценило драму и убивало водевиле.

Вина многих советских драматургов заключается не только в том, что они зачастую пасовали перед подобными схоластическими требованиями, но и в том, что и сами они нередко не могли определить и твердо выбрать жанр своей собственной пьесы в соответствии с идейными задачами, которые ставили перед ней. Так, например, А. Файко и автор этих строк заставили героев своей комедии «Пять подруг» разрешать высокие моральные проблемы с помощью водевильных ситуаций.

А. Симулов в сущности конфликт «Людвиг-красавиц» верно поместил комедийное начало и задумал пьесу как лирическую комедию. Драматургу удалось живыми комедийными красками нарисовать образ молодого мастера Сергея Третьякова.

В столкновении Сергея и работницы Мали Ракиной автор показал — опять-таки в тельных лирико-комедийных тонах — два пьесных характера, две натуры, взаимной любви которых приходится преодолеть немало испытаний. Однако, убоившись, видимо, что в избранном им жанровом ключе тема пьесы прозвучит недостаточно весомо, автор в предпоследней картине неожиданно пригнул конфликт комедии и «обстрелял» ее новой — весьма драматической — ситуацией, в основу которой положено обвинение Сергея в государственном преступлении. Но так как эта ситуация не органична для жанра пьесы, то она, естественно, не получила дальнейшего развития, а только увела автора в сторону от основного конфликта.

Но не только жанровая неопределенность мешает плодотворному развитию нашей драматургии и театра. Препятствием на пути этого развития стоит также и узкое, примитивное понимание жанра. Забывая, что жанр определяется существом конфликта, и, наоборот, ограниченно понимая природу жанра, мы нередко сами запутываем своих товарищей в этом вопросе. Помню, как на обсуждении в Союзе писателей пьесы Н. Погодина «Когда ломаются копья» многие ораторы, не обнаружив в произведении «вагона смеха», пытались уверить автора, что он пишет не комедию, а драму, хотя явление жизни, составившее основу пьесы, драматург решил показать через его комедийную сущность.

Непониманием жанра некоторых пьес советских драматургов грешат и наши театры. Конечно, это приводит их к неминуемому распылению. Так, например, неудача постигла тех режиссеров, которые не поняли комедийной сущности «Великой силы» Б. Ромашова. Как известно, жанровые признаки пьесы определяются прежде всего характерами главных действующих лиц. А в «Великой силе» в центре — комедийный персонаж Милитин, жестоко осмеянный автором. В сочных комедийных красках написан автором и один из наиболее

действенных положительных образов пьесы — академик Абуладзе.

Ярво выраженная определенность жанра отнюдь не исключает многокрасочности палитры художника, не должна вести к одноности, к обеднению художественных средств в изображении жизненных явлений. Следует помнить, как Добролюбов, оценивая комедию Островского «Свои люди — сочтемся», подчеркивал, что «во всей пьесе нет никаких особенных махинаций, нет искусственного развития действия, в угоду схоластическим теориям и в ущерб действительной простоте и жизненности характеров». Мы же еще зачастую понимаем жанровую направленность, как некую отвлеченную «чистоту» жанра пьесы, из которой механически выхолощено все «инородное». Здесь уже действуют не законы, а каноны драматургии, о которых в докладе на Первом съезде писателей А. Н. Толстой выразительно сказал: «Мир их праху». Мы же, к сожалению, не только забываем о законах жанра, но и недопустимо слабо боремся с канонами. Попытки канонизации наиболее отчетливо проявляются в догматических и вредных для нашей драматургии требованиях «сто процентной чистоты» жанра. С позиций этих нелепых требований Островский совершил кощунство, допустив в «Бесприданнице» рядом с трагическим монологом Ларисы смешные реплики Робинзона. Пренебрегая тем, что в жизни сосуществует трагическое и комедийное, серьезное и смешное, бюрократы «чистоты» жанров старательно вытирают улыбку из драмы и вздох из комедии. Словом, как иронически говорил Станиславский по адресу тех, кто односторонне понимает драматические жанры: «Драма — плачи! Комедия — смейся, хочешь».

Рассмотрим два примера, когда в художественную ткань пьесы вводится «чужеродные» жанровые краски.

В пьесе А. Корнейчука «В степях Украины» Галушка и Долгоносик принимают секретаря обкома за шофера. Однако такой, казалось бы, чисто водевильный прием — целиком в образе, характере и строе мыслей этих людей: Галушка и Долгоносик никак не могут себе представить, что секретарь обкома способен собственными руками чинить мотоцикл. И то, что секретарь обкома в свою очередь поддеживает уверенность Галушки и Долгоносика, тоже продиктовано жизненной логикой: он поучал в Долгоносике присосавшегося к колхозу жулика и хочет до конца разоблачить его.

А вот когда в финале драмы братьев Тур «Третья молодость» престарелый и уважаемый академик Квашнин, подобно неудачному любовнику из комедии «Планы и шпигли», долго причесывается за шкафом в вестибюле лаборатории, развязка драматического конфликта снижается: зритель не верит, что Квашнин (такой, каким его внутренне показал драматург) «по-волевымски» спрячется, чтобы избежать встречи со своим посрамленным учеником.

Следовательно, драматург вправе ввести в драму комические элементы, а в комедию, скажем, волевым приемом, но только в том случае это будет оправданным, если не нарушит правды образа, не будет противоречить логике действия.

Драматургия еще очень робко определяет жанровую принадлежность своих пьес. Но даже и в тех случаях, когда под заголовком пьесы обозначено «драма» или «комедия», не всегда это определение соответствует содержанию вещи. Так, например, вряд ли можно назвать комедией «Добрые имя» Б. Симонова. Вопросы жанра весьма насущны. Это вопросы, теснейшим образом связанные с проблемами социалистического реализма. Вот почему о них надо в полной мере сказать на Втором съезде писателей и рассчитать широкий путь развития многообразных жанровых богатств советской драматургии.

Учить, а не командовать

Илья Сельвинский выступил со статьёй о поэзии. Сравняя наш большой коллектив советских поэтов с оркестром, он несколько произвольно распределил в нем партии и музыкальные инструменты. Сомнителен и прием, которым пользуется Сельвинский: подвергая критику некоторые стороны творчества одного поэта, он противопоставляет ему достоинства другого. Можно сделать и другие упреки Сельвинскому, как полемисту. Так, например, уместно ли высказывать в споре свое сочувственное отношение к собственному поэту? Или не лучше было бы в этой статье высказывать свое отношение к поэзии в целом? Или не лучше было бы высказывать свое отношение к поэзии в целом? Или не лучше было бы высказывать свое отношение к поэзии в целом?

Да, в нашей поэзии, если уж пользоваться музыкальной терминологией, голоса часто звучат в унисон. А злоупотребление одной унисонной формой исполнения со временем расхолаживает слушателя, и ряды в зрительном зале постепенно начинают редеть...

В основе подобного явления нельзя не видеть «исполнительские», то есть чисто творческие причины. И неправы Н. Грибачев и С. Смирнов в своей отповеди Сельвинскому, когда они пытаются объяснить серость многих поэтов в стихах тем, что «конфликтно внутри страны не носят антагонистического характера». Такое «объяснение» может послужить разве что обоснованием «теории» бесконфликтности, но уж никак не оправданием единообразия и монотонности нашей поэтической работы.

Существуют и другие причины того, что наша поэзия не удовлетворяет разнообразным требованиям читателя. И эти досадные причины, по моему, заключаются, как правильно отмечает Сельвинский, в том, что руководство Союза писателей, раз и навсегда избранное «генеральное направление» в нашей поэзии, разными способами старается пригнать каждую утку, которая звучит не в унисон с ним. Делается это и при помощи критики, а порой и при помощи чисто административных методов.

Вспомним историю с романом украинского писателя М. Стелмаха «Большая родня», который столь долго и упорно задерживался в Киевских редакциях, что «Комсомольская правда» вынуждена была за него вступить в войну; вспомним пьесу Ю. Бураковского «Прага остается моею», встретившую непопавшее сопротивление со стороны украинских критиков и бывшего Коопитета по делам искусств. Я мог бы привести примеры и из собственного грустного опыта. Не делаю этого только потому, что боюсь попасть в положение Сельвинского, в жалобах которого Н. Грибачев и С. Смирнов почему-то усмотрели «отнюдь не практическую заботу о развитии творческих направлений».

Почему все это происходит? Необыкновенно странно выглядит ответ Грибачева и Смирнова на этот вопрос, когда они как бы вскользь замечают, что «не все члены секретариата пришли в восторг от трагедии «Читая «Фауста». Не входя в обсуждение самой трагедии, я позволю себе спросить: а так ли уж обязательно, чтобы произведение нравилось всем членам секретариата? Может быть, член секретариата Грибачев согласится хотя бы на простое большинство? Или Грибачев действительно заботится о развитии творческих течений, то не допускает ли он, что, полагаясь на свой личный вкус, способен ошибиться в оценке?

писателей посягают не скорее чем через шесть лет после написания! И уж пусть простят меня гг. Грибачев и Смирнов, но трудно поверить в серьезность их призыва.

Да, есть писатели, которым очень нелегко положить «на читательский стол» написанную ими книгу. И дело здесь часто вовсе не в том, что предпочтению отдаются наиболее талантливым и нужным произведениям. Чем, например, можно объяснить, что произведения выдающегося украинского писателя Ивана Коцурги за последнее время издавались чрезвычайно редко, хотя на них был и есть большой читательский спрос, в то время, когда произведения других, более «узданных» писателей переиздаются ежегодно?

Два случая со стихотворной пьесой Л. Дмитренко «Подснежники». Автор опубликовал ее в журнале «Вітчизна», издал отдельной книгой в издательстве «Радянський письменник», напечатал в переводе на русский язык в журнале «Театр» и выпускает ее теперь в московском издательстве. И по той причине, что пьеса еще не поставлена ни одним театром, а в критике по ее адресу раздавались не очень-то единодушные голоса. Но главное — сам Дмитренко выступает затем в газете «Правда Украины» и заявляет, что он не считает опубликованным вариант окончательным, что для нового издания он внесет в пьесу значительные исправления.

Есть писатели, которые, будучи сами не уверенны в том, что их произведения вполне закончены, имеют возможность без мажорных трудностей издавать и переиздавать их. А есть и другие писатели: для них падение книги составляет событие, результат упорной борьбы, которую они вынуждены вести, рискуя даже нарваться на упреки в том, что эта борьба, «с какой стороны ее ни взять», — отнюдь не практическая забота о развитии творческих направлений.

Если сравнить нашу поэзию не с оркестром, как это делает Сельвинский, а с боевым подразделением, то для того, чтобы определить, кто лучше попадает в цель, надо по меньшей мере всем выдать патроны. Если же одному их дать, а другому не дать, то и меткость стрельбы определять будет невозможно.

Я беру с полки номер журнала «Вітчизна» и читаю первую попавшуюся мне

критическую статью. Это статья о переводах русских поэтов на украинский язык.

Чтобы меня не заподозрили в прельзавости, не буду называть ни авторов оригиналов, ни имен переводчиков, ни фамилий критика. Я рад тому, что мне попалась статья о переводах стихов, а не о самых стихах: сопоставление оригинала с переводом не требует особых комментариев и гарантирует от вульгарности.

Русский поэт написал:
А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки,
— Догадайся, мол, сама.

Переводчик перевел:
Два листы прислал во мне.
Я читала неларам —
Довгі строчки — тільки точки!
Здогадайся, мов, сама.

Критик воскликнул:
«Как смело и по-своему воссоздает (имярек) красоту оригинала, его образы... сохранились все особенности оригинала... Это и есть обогащение украинской поэзии...» и т. д.

Простим переводчику то, что вопреки оригиналу первая строка перевода не рифмуется с третьей, а вместе с четвертой — эпиграммой «загадочных» пропал и юмор и непосредственность поэтической интонации. Уже то, что по-украински слово «строчка» означает исключительно машинную строчку; собственно же строчка по-украински переводится словом «рядок». А слово «точка» по-украински означает — «полетка» (мелкое короткохвостое и весьма вредное животное из семейства грызунов). Знак же препинания — точка — переводится словом «крапка», а слово «мол» нужно перевести словом «словами», но никак не украинским «мов», означаящим «слова», «бульдо».

Следовательно, в буквальном прозаическом изложении перевод этот звучит так:
Два письма прислал ко мне
Я читала неларам,— только
Длинные машинные строчки,— только
Догадайся, как будто, сама.

Спрашивается, как мог критик называть обогащением украинской поэзии перевод, в четырех строках которого опущены три грубейшие языковые ошибки, отсутствует одна из двух рифм, а одна строка из четы-

рех является совершенной отсебятиной? Как можно говорить о смеелости и своеобразии воссоздания оригинала в случае, когда поэтически ясное стихотворение превращается в пример языкового невежества?

А вот другой пример из той же статьи. Русский поэт написал:
Ее к земле сгибает ливень
Почту натуго, а она
Рванется, глает молчаливо,
— И дождь уймется у окна.

Переводчик перевел:
И дололу хлится злива,
Зриваний оляг, а вола
Шарпнеться, глале, мовчазлива —
І вшучке злива край вікна.

По поводу этого перевода критик заметил: «К сожалению, произведение в переводе оказалось обедненным». И дальше — целый ряд абсурдных и нелепых доказательств слабости перевода, вроде обвинения в том, что по-русски ливень — мужского рода, а по-украински — женского. (Интересно, что же сказал автор этой критической статьи, если бы он узнал, что Лермонтов при переводе стихотворения Гейне «Сосна» также допустил подобное «упущение», переведя немецкое слово мужского рода «Фихтенблум» русским словом женского рода «сосна»?).

Казалось бы, ясно, что второй перевод не только точен, но и поэтичен. Почему же критик без стеснения называет черное белым, а белое черным, хотя простое сопоставление русских и украинских текстов говорит само за себя? А секрет прост: оба переводчика являются известными украинскими поэтами, но первый принадлежит к «угодным», другой же является одним из тех, на опыте которых принято постоянно доказывать благоприятное влияние критики.

«При чем же здесь мы?» — могут воскликнуть некоторые товарищи, и в том числе П. Грибачев. — Не можем мы отвечать за некорректных критиков!»

Отвечать за них не нужно. Но не нужно таких критиков и поощрять. А отрицать необходимость «равного внимания критики» и Смирнов, — значит поддерживать произвол, но уж никак не воспитывать «полюс хороших и разных».

может быть личного в том, что пост отстаивает свое право нормально работать. А ведь Сельвинский к тому же говорит о непорядочной обстановке, в которой работает и ряд других поэтов, не менее известных, чем он!

Может быть, его оппоненты раздражает ссылка на историю с трагедией «Читая «Фауста» потому, что в этой пьесе есть недостатки? Но в качестве «личного примера» Сельвинский мог бы рассказать и о почти таких же митарствах с трагедией «От Путьны до Гангутта», которая тоже в течение ряда лет путешествовала по редакциям московских журналов и ящикам письменных столов в Союзе писателей. А ведь об этом произведении не могут сказать ничего плохого даже такие строгие критики, как Грибачев и Смирнов!

Да, Сельвинский жалует, и в этом нет ничего злого. На мой взгляд, лучше бы П. Грибачев в качестве члена секретариата СПН не наделял Сельвинского куском канфидо из своих персональных запасов, а обратил внимание на то, что у нас есть поэты, которые принуждены жаловаться. Ну, а если он вместе со Смирновым кладет под сукно справедливую жалобу, то пусть не удивляется, что его послепная отповедь воспринимается как чисто административный окрик.

Если Сельвинский недоволен, что «одно литературное течение, возмужавшее Твардовским, поглотило все остальные», то лично не могу сожалеть об этом, потому что люблю стихи Твардовского. Но когда Грибачев и Смирнов начинают демонстрировать перед нами административную механику этого «поглощения», то я не могу рассматривать это как «творческое сореживание».

Нет уж, увольте, пожалуйста, советскую поэзию от подобного «сореживания»!

С горячностью приходится признаться в казну Второго всеукраинского съезда советских писателей, что некоторые товарищи забыли драгоценное напутствие Максима Горького: «...партия и правительство отстаивают у нас и право командовать друг другом, предоставляя право учить друг друга. Учить — значит взаимно делиться опытом. Только это. Только это, и не больше этого».

Какие нам нужны литературоведы

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Литературоведение стало сейчас гораздо в большей степени необходимо широкому советскому читателю, нежели еще лет десять назад, — вот в чем, думается, заключается прежде всего успехи нашей литературной науки. А было время, когда многие литературоведы занимались в основном вульгарно-социологическими ярлычками и столь же искусственными формалистскими домыслами. Неудивительно, что широкий читатель такого рода писаниями не интересовался вовсе. Литературоведение вошло в круг народных интересов — в этом его главное достижение; это, однако, необходимо неустойно углублять и расширять, ибо в этом направлении сделаны еще только первые шаги.

Неоспоримо также, что за последние годы произошло очень значительный рост сил советского литературоведения, появились немало новых имен, публикуются новые ценные труды. Наши историки литературы сумели глубоко исследовать и ярко осветить важнейшие явления истории русской литературы — от памятников древнерусской письменности до Горького и Маяковского.

Сотни высококвалифицированных ученых-литературоведов объединены в нашей стране общностью научных теоретических воззрений, что приносит богатые плоды. Но овладение марксистско-ленинским методом не было и не могло быть процессом легким и гладким, без разоблачения всякого рода попыток вульгаризации марксистско-ленинского, протаскивания чуждых взглядов.

Современное буржуазное литературоведение мечется между бесплодным эмпиризмом, чаще всего принимающим форму узко биографических, нередко анекдотических экскурсов, и реакционными «теоретическими» разглагольствованиями, на которых лежит явственная печать духовного вырождения.

В СССР история литературы сложилась и развивается на основе внимательного и кропотливого собирания и изучения фактического материала. Широко привлекаются данные, характеризующие классовую, политическую, идейную, эстетическую борьбу, в обстановке которой действовали писатели.

Серьезные результаты достигнуты в области текстологической подготовки и комментирования научных собраний сочинений, освобожденных от цензурных и иных искажений. Уважем лишь на собрания сочинений Пушкина, Толстого, Некрасова, Островского, Шехидина, Чернышевского, Горького.

Ни в какой другой стране нет такого издательства, как «Литературное наследство», сочетающего в своей работе документальную насыщенность с идейной требовательностью, по-государственному поставленное обеспечение архивов с проблемной целеустремленностью.

У нас образовались большие группы специалистов по изучению творчества каждого из крупнейших писателей XIX века. Все более многообразными, а вместе с тем устойчивыми становятся жанры литературоведения. Монографии, посвященные жизни и творчеству писателя, в 30 и более авторских листов, капитальные научные биографии, книги о мастерстве, краткие критико-биографические очерки — вот некоторые из этих жанров.

В течение последних двух десятилетий, которые отделяют нас от Первого съезда писателей, историки литературы, пользуясь испытанным оружием самкритики, исправляя свои ошибки и недостатки, добились серьезных успехов. Однако, если исследования литературоведения на определенных его участках несомненны, то на других направлениях мы видим являющиеся проблемы. Это ослабляет литературоведческий фронт в целом и заставляет говорить о его отставании.

Прежде всего литературоведение все еще недостаточно помогает современному литературному движению. Более пяти лет назад, в сентябре 1949 года, А. Фадеев, собрав литературоведов Москвы и Ленинграда, обратился к ним с призывом активно участвовать в литературной жизни страны, выступать по вопросам современной литературы. Призыв этот, как показала жизнь, был весьма своевременен. Стратегия литературоведения и критики, формирование типа критика-литературоведа идет в настоящее время значительно дальше, чем то казалось возможным в 1949 году.

Нетрудно указать представителей «старшего», «среднего» и «младшего» поколений критиков-литературоведов. Назовем лишь А. Бушмина, А. Демитьева, В. Ермакова, В. Пянского, В. Перцова, Е. Суркова, В. Турбина, А. Туркова, М. Щеглова. В наше время критик не может не быть историком литературы прежде всего потому, что советская литература уже имеет свою богатую историю, неотрывную от истории литературы классической. Критик не может не быть ученым-филологом, ибо в противном случае он окажется совершенно бессильным перед проблемами предметности мастерства и литературного языка.

Но в литературоведении не может развиваться, не связываясь с критикой. Нередко значение тех или иных исторических проблем ставится ясным лишь в свете развития современной литературы. Так, например, вопрос о положительном герое в классической литературе, о том, какое место в сатире прошлого принадлежало отражению красоты жизни, природы и мысли, стал подробно разрабатываться в нашем литературоведении именно в связи с проблемами роста современной сатирической литературы. Историки русской литературы XVIII века уделяют сейчас, после указания партии о необходимости подвига сатирического искусства, гораздо больше внимания, чем раньше, спорам, шедшим в то время вокруг жанровых проблем сатиры.

Существует и гораздо более общие причины, заставляющие советского литературоведа внимательно изучать современную литературу. Если литературовед, по настоящему любящий того классика, о котором он пишет, хочет не обихивать фразами, а серьезно и глубоко ответить на вопрос о том, какую роль традиция творчества этого великого писателя играют в развитии

советской литературы, он должен изучать ее внимательно и постоянно.

Едва ли кто станет сейчас спорить о том, что критику знание жизни совершенно необходимо. Но разве оно не нужно литературоведу, изучающему прошлое? Возможно ли глубокое и страстное исследование классической литературы, как отражение судьбы русского человека, если по-настоящему, на основе собственных впечатлений и раздумий, не стремиться узнать характер советского человека? Разве без знания жизни мыслимо вдумчивое определение роли наследия классика в духовной жизни современности?

Однако и сейчас, как писала «Правда» в передовой от 9 июня 1953 года, «все еще не преодолен серьезный разрыв между литературоведением и критикой».

Разумеется, что у каждого ученого интерес к советской литературе должен развиваться и проявляться индивидуально, творчески. Совсем не нужно утром анализировать жития, написанные Епифанием Премудрым, а вечером — рассказы В. Тендрякова. Литературовед, даже непосредственно критиком не занимающийся, может и обязан насытить свое исследование духом современности, поставить в нем вопросы, существенные для советской литературы.

Между тем даже в тех областях, где наше литературоведение достигло особенно крупных успехов, связь с современностью, а тем самым и срастание критики и литературоведения, заставляет желать большего и лучшего.

Наша история литературы уделяла много сил изучению деятельности великих представителей русской революционно-демократической литературы и критики, их эстетической теории и художественной практики. Советские литературоведы тщательно собирали и исследовали бесценные идейные богатства, оставленные нам великими революционными демократами, пополнив сотнями страниц собрания сочинений Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Шехидина, Некрасова.

Наша история литературы и теоретики правильно вскрыли все значение традиций революционно-демократической эстетики для теории социалистического реализма. Но при этом слишком мало внимания уделялось тому поводу, что теория и литература социалистического реализма дали по сравнению с великими предшественниками советской культуры. Обычно в таких случаях новаторство социалистического реализма характеризуются лишь самыми общими, ничем не говорящими фразами.

Положение марксизма о решающей роли народных масс в истории и творчестве культуры, ленинская теория отражения, теория двух культур в каждой национальной культуре и концепция русского освободительного движения, ленинская характеристика отдельных периодов русской истории, в особенности XIX века, позволили нашим историкам литературы дать анализ творчества ряда выдающихся писателей-классиков и отдельных периодов литературного развития. При этом удалось наполнить конкретным содержанием такие «большие места» карты русской литературы, какими еще не так давно являлись, например, творчество и деятельность поэтов-рашавцев и ряда писателей-декабристов.

Впрочем, и в этих направлениях еще многое остается сделать. У нас нет, например, обобщающих монографий о Чернышевском, Тургеневе, Островском, Достоевском, Габее Успенском, Огареве. Плохо исследованы такие важные периоды истории нашей литературы (я касаюсь в этой статье лишь изучения русской литературы), как 30-е и 70—80-е годы XIX века.

Встречаются еще пережитки вульгарного социологизма, а также приукрашивания, «улучшения» истории. Но наиболее существенно не это. Конкретно-историческое изучение литературы не привело еще к большим теоретическим выводам и обобщениям. Так, почти не проливалось вперед исследование литературного процесса во всей его сложности, противоречивости и богатстве связей и отношений, хотя предпосылки для создания такой обобщающей концепции уже, несомненно, имеются.

Монографические исследования, как правило, не ведут к общим выводам о специфике закономерностей литературного развития, о проблеме содержания и формы, об исторических изменениях жанров, об эволюции понятия прекрасного, о трагическом, комическом и т. д.

У нас нет работ, которые попытались бы дать концепцию основных этапов развития реализма в мировой литературе, а также этапов становления и роста реализма социалистического. Ученые, изучающие творчество даже такого гиганта реализма, как Толстой, не дают ясного ответа на вопрос о месте автора «Войны и мира» в мировом и русском художественном развитии. Недостаток конкретно анализируется особенность, свойственная реалистическому искусству, роли в нем романтики.

Если историки литературы склонны еще обходить вопросы теории, то те, кто претендует быть представителями теории литературы, обходятся зачастую вовсе без истории. Нам же нужен такой теоретик, который свои теоретические выводы строил бы на твердом историческом фундаменте и отгаду теоретической мысли сочетал бы с кропотливо точным изучением исторического обстановки. А у нас нередко теория подменяется мелочной регламентацией художественной практики и навязыванием ей отвлеченных норм, пренебрегающих богатством ее красок и черт.

Конечно, среди историков литературы заметно все растущее стремление теоретически осмыслить свои конкретно-исторические изучения. Укажу, в частности, на статью Д. Благого о национальной специфике литературы, на работы В. Ермакова, касающиеся природы комического и смеха.

Но больших теоретических трудов, обладающих крепким историческим фундаментом, или исторических исследований, ведущих к подробной разработке теоретических проблем, у нас еще нет. Намшему литературоведению все еще не хватает вкуса к теории, не хватает — чего греха таить — смелости в подходе к теоретическим проблемам литературы. Даже в той содержательной и интересной, на мой

взгляд, книге, как «Очерки теории искусства» Г. Нелюбина, обращает на себя внимание почти полное отсутствие четких и ясных теоретических формул и положений. Разумеется, наличие последних повышает ответственность теоретика, но ему ли ее опасаться?

Недавно мне довелось беседовать с аспирантом одного из республиканских университетов по поводу его будущей диссертации. На вопрос, почему он отказался от темы «Гипербола у Шехидина», собеседник мой извиняющимся голосом сказал: «Вы знаете, ведь эта тема теоретическая, спорная...». Это типичный пример страха перед теорией, укрытия от которой обычно ищут в работах, претензиию именуемых «монографическими», а на деле представляющих собою бескрыло-каталогизаторские и пошлые «бесспорные» перечисления тем, проблем и так называемых «художественных особенностей».

Потребность в теоретических обобщениях на базе истории литературы и современного литературного опыта — жизненная потребность. Незавершенность теории литературы тормозит, в частности, преподавание в вузах, вызывает глубокую неудовлетворенность у студентов, аспирантов. Думается, что давно назрела необходимость в издании дискуссионных сборников по вопросам теории литературы. Дискуссия, несомненно, в состоянии ускорить развитие этой области нашей науки.

Также совершенно необходимо углубление и перестройка коллективной работы в литературоведческих институтах Академии наук. Ряд научных проблем может быть решен лишь общими усилиями ряда ученых. Но для этого нужно создание творческих коллективов, спаянных подлинным взаимопониманием, единством научных интересов и концепций, а не формальное табуирование чисто административными методами. Во главе коллектива должен стать ведущий автор данной работы, являющийся также ее творческим редактором, а не лицо, чувствующее себя не то администратором, не то цензором, как это бывает нередко сейчас.

Задачи, стоящие перед советским литературоведением, велики и сложны, но — и это необходимо подчеркнуть — оно сейчас в состоянии с ними справиться. Именно поэтому приходится возражать против вольных или невольных попыток сужения этих задач.

За последнее время в некоторых выступлениях стала фигурировать мысль о необходимости «возвращения литературоведения в лоно филологических наук». Очевидно полемическая — и в этом отношении совершенно правильная по существу — заостренность этой мысли против вульгарно-социологического пренебрежения к художественной специфике литературы, к вопросам мастерства, формы, языка писателя.

Именно эти вопросы стоят сейчас в центре целого ряда выступлений наших литературоведов. Сомневаясь, в частности, на появившиеся за последнее время книги и статьи Б. Чуковского, А. Тарасенкова, А. Абрамова, З. Паперного, В. Огнева, хотя в целом внимание сосредоточено на этих проблемах еще далеко не достаточно.

Однако в вышеприведенную формулу «судьбах литературоведения вкладывается порой и совсем иной смысл. Встречаются попытки с ее помощью противопоставить литературоведение истории общественной мысли. Бесспорно, что литературоведение в основном и главным рассматривает идейную борьбу эпохи в том ее образном отражении, которое она получает в произведениях художественной литературы. Но столь же несомненно, что провести грань, механически отделяющую литературоведение от истории общественной мысли, невозможно. Такое отделение привело бы, например, к тому, что публицистические выступления Пушкина, Герцена, Шехидина, Толстого оказались бы за пределами внимания исследователя-литературоведа. Разве так поступал В. И. Ленин в своих классических работах о Толстом?

Вообще, внимание к изучению специфики художественной литературы вовсе не должно приводить наших литературоведов и критиков к какому-то сужению их кругозора. Исследователь обязан стремиться к тому, чтобы знать все основные идейные ценности, которые оказали влияние на формирование мировоззрения и творчества писателя или обратили на себя его — в одних случаях сочувственное, а в других полемическое — внимание. Литературовед должен неустойно расширять свой кругозор и по мере своих сил стремиться — не будем считать столь обязывающего слова — к такому энциклопедизму знаний, который необходим для изучения неисчерпаемого идейного и познавательного богатства русской литературы. Литературовед обязан владеть лингвистическим анализом и ориентироваться в вопросах истории, философии, экономики.

О плодотворности «использования опыта соседних научных дисциплин» и совместной работы литературоведов с историками и искусствоведами в области древнерусской литературы очень убедительно рассказал Д. Лихачев в недавно опубликованной статье (Известия Академии наук СССР, отделение языка и литературы, № 5). С этой точки зрения «оно» одних только филологических наук может оказаться для литературоведа... прокрустовым ложем.

Нам нужны литературоведы, в книгах и статьях которых идейный и эстетический анализ, изучение творчества и языка, личности и биографии писателя, его времени, мемуарных и архивных источников, текстологии были бы органически слиты. Нельзя примириться, например, с тем, что в многочисленных книгах о Горьком вовсе не получило отражения мнение автора «Мои университеты».

Таковы некоторые наиболее существенные недостатки нашего литературоведения и трудности, перед ним стоящие. Преодолеть их на основе значительных, уже достигнутых успехов, творчески развивая марксистско-ленинскую теорию в области искусства, раскрывая художественное творчество во всей присущей ему многогранности и многоаспектности, активно участвовать в литературном и научном движении, содействовать обогащению духовной жизни советского народа, создавая новые идейные ценности, — таковы высокие цели, стоящие перед нашим литературоведением.

Читатели о литературе

Я далек от литературных кругов, а с советской литературой начал знакомиться только с 1945 года — после освобождения Закарпатской области Советской Армией.

Судить о сильных сторонах нашей литературы и о ее недостатках я не берусь. Но мне очень хотелось бы прочитать книгу о нашем будущем — о коммунизме. Какая богатая, прекрасная и благородная тема!

Коммунизм — это то, за что проливали кровь наши отцы и деды в 1917 году и наши современники в годы Великой Отечественной войны. Коммунизм — это цель всей нашей борьбы и жизни, и заглянуть в него его строителям, пусть даже в подзоровую трубу писательской фантазии, так же необходимо, как человеку необходимо знать о том, что ему на завтрашний день предстоит делать.

Д. ЛАЗАРЬ,
бригадир «Закарпатгостарь»,
Закарпатская область

Я, учитель школы, литератор по специальности, нетерпеливо жду, когда же на страницах печати появятся статьи о принципах социалистического реализма, статьи четкие, содержательные, которые с предельной ясностью объяснят основные положения литературного метода нашей эпохи.

Если бы мы знали, как эти статьи нужны нам, педагогам, в нашей повседневной работе!

И. ПОЛУЛЯХ,
директор школы
С. Веселовское,
Новосибирской области

О любви советского человека к книге говорит множество фактов. Один из них мне хочется привести. Во время политических занятий в одном из подразделений я спросил солдата Федорчука, что он прочитал за последнее время? Он назвал «Искры» Соколова. «За власть Советов» Катаева, «Даурино» Седых, «Флаги на баинях» Макаренко — всего им прочитано за два года 37 книг.

И. ФОМИН,
политработник

Во многих городах встречаешь улицу имени Моисеенко, сад имени Бабушкина, улицу Воинова, фабрику имени Петра Алексеева, завод имени рабочего Егорова... Все эти улицы, проспекты, заводы и парки названы в честь рабочих-революционеров. Но, к сожалению, молодежь мало знает, чем прославили себя Бабушкин и Воинов, Моисеенко и Волков, Петр Алексеев и многие другие. Какие они совершили подвиги, в каких трудных условиях царской России боролись за светлое будущее... Советским писателям нужно создавать художественные произведения о жизни и борьбе передовых рабочих-революционеров.

Б. ВОЛКОНСКИЙ,
лауреат Сталинской премии
ЛЕНИНГРАД

Есть уже и с каждым днем появляется все больше хороших и ценных лекций о творчестве писателей прошлого. Эти лекции широко распространяются среди читателей так широко, как беллетристика, ибо у них учебная цель. А почему не написать на те же темы произведения художественной литературы?

Как очень удавшегося, хорошее произведение о писателе хочется отметить роман М. Ауэзова «Абай» — о великом поэте и просветителе казахского народа Абэе Кунанбаеве. Но такие произведения в нашей литературе пока очень и очень мало. А ведь у каждого народа есть свои Абай, память которых чтит народ!

Р. ДАМБРАУСКАЯ,
студент
ВИБЛЮС

Там, где отделения ССП малочисленны и малоактивны, нужны не областные, а межобластные литературно-издательские объединения! Сидят же вершины Волга (Ярославль, Кострома, Горький), средняя (Назрань, Ульяновск, Саратов), нижняя (Сталинград, Астрахань). То же в отношении центральной и южной части РСФСР, Урала, Сибири, Дальнего Востока...

Только при такой концентрации областного издательского дела можно рассчитывать и на привлечение нужных опытных «садовников» для нашей новой литературы, — не исключая перевода в эти объединения отдельных московских литераторов и критиков, — и на качественное улучшение всей литературной продукции, выходящей на местах.

Б. РОСЛАВЛЕВ,
пенсияер
ЯРОСЛАВЛЬ

По-моему, писатели и поэты должны поговорить на съезде писателей о книгах по теории литературы, об опыте и творческом труде мастеров слова. И вместе с этим — о работе литературных кружков в школах, колхозах, на фабриках и заводах.

П. ПЕТРОВ,
преподаватель педагогического училища
ПРИВЛИСЬК,
Чувашской АССР

Хотелось бы сейчас, перед съездом, услышать мнение наших литераторов о сатирических произведениях последних лет, о путях развития сатиры, о месте сатиры в нашей литературе и о месте в нашей советской сатире произведений И. Ильфа и Е. Петрова.

Ю. ГУСАКОВ,
инженер-геолог
ГОР. КИЗЛЯР

Предстоящий съезд советских писателей должен серьезно и подробно остановиться на возрождении краеведческой литературы. При этом не следует ограничиваться только вопросом о художественных очерках и рассказках — надо подумать также и о книгах исторического, литературоведческого, искусствоведческого характера, книгах о социалистическом строительстве и преобразовании природы, о разного рода производителях.

Н. МАСЛОВ,
действительный член
Всесоюзного географического общества
КАЛУГА

Это не решение вопроса!

По поводу открытого письма «Товарищам по работе»

В письме группы московских писателей «Товарищам по работе» («Литературная газета» за 26 октября с. г.) поднят важный вопрос, который затрагивает интересы всех писателей страны. Однако, поставив его, авторы письма предлагают, на наш взгляд, совершенно неверное решение — ликвидировать творческие комиссии. Основной довод, приводимый авторами письма, — неудовлетворительная работа комиссий. Они пишут: «...Молодые авторы, писатели из краев и областей, детские писатели и драматурги до сих пор продвигались в литературу вне всякой связи с областной комиссией, комиссией по работе с молодыми авторами и другими комиссиями, а через областные и центральные органы печати, через периферийные и московские театры».

Это мнение свидетельствует о том, что авторы письма просто плохо осведомлены о положении дел. Один пример. Именно через комиссию ССП за последние годы «продвигались в литературу» многие свердловские писатели: через комиссию по работе с молодыми авторами — В. Очеретин, К. Охалкина, О. Коряков, С. Самсонов; через комиссию по драматургии — А. Салынский и Л. Румянцев; комиссия по работе с русскими писателями обсуждала и помогла издать новые книги О. Марковой и Н. Поповой. Это далеко не полный список писателей-свердловчан, которым по подмоги помощи комиссии ССП.

Творческая работа с отдельными авторами, консультация и обсуждение их рукописей, помощь в продвижении новых книг — не единственная форма деятельности комиссий. Несомненную пользу приносят развитию литературы и проводимые комиссиями различные конференции, семинары, дискуссии в Москве и на периферии.

Приведу еще один довод в пользу ликвидации комиссий, авторы письма ссылаются на опыт редакций, которыми руководили Некрасов, Салтыков-Щедрин, Горький. Что же, действительно, такой опыт был, и нет смысла отказываться от него. Однако при этом нельзя не учитывать хотя бы двух обстоятельств. Во-первых, во времена Некрасова и Щедрина в нашей стране было неизмеримо меньше писателей, нежели сейчас, и сосредоточивались они в основном в столицах. Во-вторых, редакционная работа в журналах была, по сути, единственной возможной тогда формой творческого общения и взаимопомощи литераторов. А если уж говорить о Горьком, то ведь именно он наряду с гигантской редакторской работой являлся одним из создателей Союза писателей, как творческой организации.

В опубликованной 23 ноября в «Литературной газете» реплике тов. Ажаеву авторы письма оговариваются, что они не за упразднение союза. Но к чему же на деле приведет ликвидация творческих комиссий и «прикрепление» наших больших, наиболее опытных писателей к журналам и издательствам? Союз писателей в еще большей степени будет походить на всякий бюрократический «департамент по литературным делам», ибо авторы письма отводят ему административно-техническую роль по выписке командировочных удостоверений и оформлению приема в союз. Если мы посылим за редакторские столы сегодняшних руководителей ССП, они будут знать только то, что лежит на редакторском столе. В частности, периферийную литературу они будут знать еще меньше, чем знают ее сейчас. Организационная работа, которая при всех недостатках ведется ныне союзом, будет неизбежно ослаблена.

Сомневался еще на наш местный, но характерный для многих областей пример. За последние пять лет Свердловская писательская организация выросла вдвое. Этот рост происходил за счет активной работы творческих секций. За это же время Свердловское издательство, одно из самых крупных среди областных, самостоятельно не привлекло ни одного начинающего писателя. Или: за десять месяцев текущего года Свердловское издательство пропрецензировало 47 рукописей, тогда как творческие секции Свердловского отделения союза — 230.

Спрашивается, выиграют ли молодые литературные кадры Свердловска от ликвидации творческих секций и передачи их функций издательству?

Нам могут сказать: мы ликвидируем центральные творческие комиссии, а твор-

ческие секции на периферии могут остаться. Но тогда о чьих интересах заботятся авторы открытого письма? Об интересах литераторов всей страны или об интересах литераторов Москвы?

Нам думается, что точка зрения авторов письма — это точка зрения сравнительно небольшой группы писателей, которые не чувствуют особой нужды и союзе и в его творческих секциях. Подвальные же большинство литераторов страны, и в частности живущих на периферии, такую нужду ощущает и во многом испытывает на себе благотворное влияние союза.

Мы вовсе не хотим утверждать, что Союз писателей СССР работает безупречно. Да, союз и его творческие комиссии справляются со своими задачами пока еще далеко не удовлетворительно. Да, они пока еще «плохо знают жизнь» и дела писателей и плохо учитывают их подлинные творческие интересы». Но для большинства писателей ясно, что не может быть речи о ликвидации или ослаблении деятельности Союза писателей. Такие предложения бесперспективны, и нет никакого смысла дискутировать на этот счет. Нужно, на наш взгляд, перейти к конкретному рассмотрению деятельности союза, к обсуждению практических предложений о его структуре, формах и методах работы.

Наша литература за годы советской власти настолько выросла, стала настолько богатой и разнообразной, что возникает жизненная необходимость всячески укреплять творческие комиссии. Разделение комиссий по жанрам — это не «искусственное разделение», а совершенно естественное, необходимое. Нельзя правильно руководить литературным процессом, если смешать в одну кучу детскую литературу и драматургию, прозу и поэзию.

Улучшение работы ССП должно идти по линии организационного укрепления творческих комиссий. Союз писателей превращается сейчас в «департамент по литературным делам» потому, что его комиссиям из-за своей организационной слабости руководят творческим процессом в основном в Москве. В своей «Реплике тов. Ажаеву» авторы письма решительно отвергают идею создания Московского отделения ССП. Не слышим ли мы здесь ноты решительности? Идея эта, безусловно, содержит рациональное зерно, если не сказать большего. На наш взгляд, организация соответствующих секций в Москве улучшила бы творческую работу писателей столицы и помогла бы союзу значительно оживить ее на периферии.

Далее, для улучшения работы творческих комиссий необходим широкий рабочий способный актив. Нужно, чтобы в составе их было больше число опытных писателей. Тогда они смогут глубоко изучать литературные кадры не только Москвы, но краев и областей всей страны, смогут чаще выезжать на места, обсуждать рукописи, консультировать произведения молодых авторов, решать творческие проблемы и т. д. Редакция журналов и издательств такая работа не под силу.

Разумеется, мы не против участия мастеров литературы в деятельности издательства и журналов. (Статьи, некоторые из них и сейчас работают или, во всяком случае, входят в редколлегию журналов, однако это едва ли коренным образом влияет на оживление творческого процесса в литературе всей страны). Мы согласны и с тем, что «уровень редакционной работы, особенно в издательствах, очень низок». Речь идет о московских издательствах. Что же тогда можно сказать о периферии? Там уровень этой работы намного ниже.

Привлечение к литературному «производству» опытных писателей в какой-то мере укрепит центральные, московские органы печати, но никак не поможет деятельности подвального большинства издательств страны. Пора всерьез решить вопрос подготовки издательских кадров, решить не по-кустарному, не путем частичного укрепления издательств литераторами (главная задача которых — не редактировать, а писать), а по-государственному.

Итак, не пренебрежительное отношение к организационным принципам работы Союза писателей, а пристальное внимание к ним; не ликвидация творческих комиссий, а укрепление их!

О.А. КОРЯКОВ,
С. САМСОНОВ
СВЕРДЛОВСК

Журналы перед съездом

Раздут и широкий круг вопросов, который затрагивается в предсъюзных статьях журналов: тут и разговор о положительном герое, и проблемы детской литературы и критики, вопросы стиля художественных произведений. Почти каждая из статей вовсе не сессорна по своему содержанию, — наоборот, они прямо располагают к спору, к живой и непринужденной беседе о литературных проблемах. И эта свежесть, новизна и острота мысли, эта дискуссионность — главное, что привлекает читателей к статьям!

Знаменательно и то, что журналы в своих предсъюзных номерах активно используют богатейшее литературно-критическое наследие А. М. Горького. В «Октябре» и «Знамени» помещена в значительной части еще неизвестная читателю Горького литература. Горьковским традициям в литературе посвящены статьи В. Каверина. В письмах Горького, — справедливо замечает писатель, — заключена целая школа практического, профессионального изучения жизни.

Широта и свежесть журнальной публицистики — это тоже одна из давних горьковских традиций. Сделав сейчас, накануне съезда, шаг вперед в активном, творческом наследовании этой традиции, редакции журналов не должны и в последующих номерах снижать свои требования до средних, серых, «проходных» статей и рецензий. Важнее всего сохранить главное, что наполняет единичные книжки «толстых» журналов, — живую заинтересованность в споре, в достижении истины по наиважнейшим проблемам литературы.

Стокгольм, 24 ноября

Вечером 23 ноября делегаты сессии Всемирного Совета Мира собрались на последнее пленарное заседание. В зале многолюдно. Нарядно выглядят украшенные живыми цветами места президиума. Оживленно в залах пресса.

По предложению комиссии по организационным вопросам сессия избирает в состав Всемирного Совета Мира ряд новых членов. Затем сессия переходит к принятию решений и рекомендаций. Один за другим зачитываются документы, разработанные комиссиями и подкомитетами. По тому, какими дружными аплодисментами встречают эти решения присутствующие, видно, что документы полностью выражают пожелания и мысли делегатов. Резолюции принимаются единогласно. (Резолюции, принятые сессией, публикуются в этом номере «Литературной газеты».)

Корреспонденты поспешно делают записки в блокноты. Неповиженно сидит лишь мой сосед — представитель одной крупной западноевропейской газеты. Он, видимо, решил, что нет смысла сообщать о единоразовых, царящих в этом зале: такой информации его редакция не печатает...

В заключительной речи председателю сессии Ломбарди (Италия) коротко остановился на итогах работы сессии. Движение сторонников мира, сказал Ломбарди, ныне перешло к стадии действий, результатом чего явилось прекращение войны в Индо-Китае и Корее, провал планов создания «европейского оборонительного сообщества». Будем же, сказал Ломбарди, еще настойчивее бороться за дело мира. На этот раз наша борьба овеянна не только надеждой, но и уверенностью.

Среди многих форм внимания, оказанного сессии Всемирного Совета Мира шведским народом, нужно особо отметить встречу общественности Стокгольма с участниками сессии, посетившую Всемирным национальным комитетом защиты мира. Она происходила в помещении городской ратуши — одним из красивейших зданий столицы, которым шведы гордятся.

Красное кирпичное здание ратуши с медной крышей и поблескивающим золотом куполом расположено в живописном месте на берегу озера Меларен. Недалеко от него, на небольшом острове, виднеется старинный королевский дворец и шпиль еще более древней рыцарской церкви, вокруг в узких улочках тянется дома с островерхими крышами. Это — исторический уголок Стокгольма. Однако сама ратуша возведена сравнительно недавно.

Встреча происходила в красивом и просторном Голубом зале. Присутствовало свыше 1000 человек. Среди них — ряд депутатов шведского риксдага, городского муниципалитета, дипломаты, представители различных организаций, деятели культуры, корреспонденты.

Председатель Всешведского национального комитета защиты мира д-р П. Варениус тепло приветствовал участников сессии. Затем состоялось выступление шведского народного хора, исполнившего народные песни и танцы.

Показательно, что ряд буржуазных газет, вышедших на следующий день, опубликовал специальные сообщения о встрече с участниками сессии в городской ратуше Стокгольма.

Кстати: теперь, когда сессия уже закончила свою работу и можно подвести некоторые итоги, следует отметить, что освещение деятельности Всемирного Совета Мира заняло в эти дни на страницах шведской буржуазной печати несколько больше места, чем при подобных международных совещаниях, происходивших ранее в Стокгольме. Это весьма знаменательно, ибо означает, что большой интерес, проявленный шведской общественностью к такому важному международному событию, не позволил газетам замолчать работу сессии. Информация появлялась, хотя часто была смудной и не всегда объективной.

Итак, сессия Всемирного Совета Мира окончена. В Стокгольме приняты важные решения, которые являются программой деятельности для борцов за мир всех стран. Решения Стокгольмской сессии вносят в сердца простых людей всех стран земного шара новую надежду на победу дела мира.

М. АЛМАЗОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
(По телефону)

Письмо Говарда Фаста советским писателям

Как уже сообщалось в «Литературной газете», ряд советских писателей направил Говарду Фасту приветственные телеграммы в связи с его 40-летием. Ниже мы публикуем присланную им А. Фалеева, К. Сибиринова, А. Суркова, Б. Погодина, И. Эренбурга ответ Говарда Фаста.

Дорогие друзья!

Простите, что пишу вам всем вместе, а не порознь, но наши теплые и милые приветствия пришли вместе, и в моем представлении вы все составляете единое, сильное целое с другими советскими писателями и со всем могучим советским народом.

Позвольте мне поблагодарить вас от всего сердца за дружбу и товарищество и пожелать, чтобы мы все собрались вместе в недалеком будущем.

Только вчера в беседе со мной один из наших старейших радикалов, мудрый старик, говорил о деятелях народной литературы, как о братстве, посвятившем свои силы чрезвычайно трудной задаче — открывать все новые сферы понимания и проникновения, чтобы помочь народу яснее и легче увидеть путь в будущее и путь, пройденный в прошлом.

В такие минуты испытываешь чувство презрения — перед глазами предстает безграничное и величественное будущее, которое и мы — среди многих других, — помогли создать. А вместе с тем приходит и ощущение счастья, заставляющее забыть про смерть и про страх. Думаю, вы поймете меня.

Благодарю вас еще раз за ваши приветствия.

С чувством любви и уважения
Говард ФАСТ
НЬЮ-ЙОРК, 11 ноября 1954 г.

НАРОДЫ ЕВРОПЫ СКАЖУТ СВОЕ ВЕСКОЕ СЛОВО!

Советское предложение о созыве общеевропейского совещания по вопросу о коллективной безопасности в Европе встретило горячее одобрение широких кругов общественности. Европейские народы, жестоко пострадавшие от германской агрессии, кровно заинтересованы в создании такой системы безопасности, которая сделала бы невозможным возрождение темных сил войны и реванша.

Польская и чехословацкая общественность решительно осуждает позицию западных держав, направленную к вооружению Западной Германии и превращению ее в новый очаг агрессии. Сегодня мы печатаем статьи польского писателя М. Белицкого и чехословацкого писателя К. Седлачка, выражающие настроения народов этих стран.

Нас не обманут...

Мы никогда не забудем вой бомб, падавших на землю любимой нашей отчины; топот солдатских сапожков, эхом отдававшийся в пустынных улицах наших городов и местечек; готание карателей, расстреливавших тысячи нас в чем не повинных стариков, женщин и детей; дым гусениц чернотельных танков; грохот моторов «блиц-опедей», увозящих польских патриотов на мучительную смерть.

Мы помним, как стонала родная земля... Жертвой войны пали миллионы сынов и дочерей нашей памяти. Никто не вернет старому крестьянину Марцину Подовскому из села Александрова трех его сыновей, которых зверски замучили гитлеровцы. Никто не вернет Юзефу Мацеху и многим другим польским детям родителей, погибших в Освенциме.

Но можно и нужно сделать так, чтобы ни у одного отца или матери война не отбирала больше детей. Можно и нужно избежать того, чтобы появлялись сироты.

И потому старый Марцин Подовский гневно хмурит брови, когда узнает из газет, что за Эльбой убиты его сыновья снова поднимают головы, что имеются люди, которые опять вкладывают в руки германских милитаристов оружие.

Бительно прислушивается наш народ к отголоскам реваншистского воя за Эльбой, он внимательно приглядывается к тем, кто поднимает на ноги западногерманский «вермахт», пестует уцелевших гитлеровцев. Мы хорошо знаем, какие надежды связывают бюнкские правители с выступлением в Атлантический блок.

Наш народ и выразитель его воли — правительство Польской Народной Республики горко следят за бюнкско-вашигтонскими агрессивными планами. Наша страна активно участвует в общей борьбе за решение германской проблемы путем мирных переговоров. Поэтому польский народ с единодушным одобрением и благодарностью приветствовал предложение Советского Союза о созыве общеевропейского совещания по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе. Все поляки горячо поддержали решение своего правительства об участии в этом Совещании.

Любой ценой враги Европы хотят завершить свой преступный замысел: воссоздать западногерманский «вермахт». Они торопятся ратифицировать и провести в жизнь противоречащие интересам европейских народов, подрывающие их независимость парижские соглашения...

Мы не хотим и не можем примириться с угрозой возрождения западногерманского «вермахта», с созданием агрессивных, направленных против нас военных блоков. Со всей решительностью говорим об этом заявлении нашего народного правительства:

«Совершенно очевидно, что, если бы вследствие ратификации парижских соглашений планы возрождения германского милитаризма вошли в стадию реализации, Правительство Польской Народной Республики вынуждено было бы совместно с другими правительствами рассмотреть вопрос о принятии мер, направленных к укреп-

лению своей обороны и безопасности. Ответственность за такое положение лежала бы тогда полностью на государстве, которое способствовало бы восстановлению агрессивного германского милитаризма».

Предложение Советского Союза открывает еще одну возможность урегулирования сложных международных проблем путем переговоров, создания надежного фундамента безопасности народов Европы. Об этом говорят все люди нашей страны. «Недзяга терять времени и ждать сложа руки!» — таково мнение рабочих и крестьян, ученых и артистов, учителей и писателей народной Польши.

По всей стране проходят сейчас митинги и собрания, на которых подлинно хозяева страны, строители ее новой жизни заявляют: «Мы хотим мира, мы требуем мира!», «Мы — против возрождения западногерманского «вермахта!».

«Мы приветствуем предложение Советского Союза и заявление нашего правительства!».

С гневом и болью говорил, обращаясь к женщинам-односельчанкам, александровский крестьянин Марцин Подовский: — Вот ты, Доминика, и ты, Шепаня, и ты, бабушка Лисовская, скажите — поверите вы когда-нибудь, что убиты два сына детей, что те, кто жег наши дома, будут охранять мир? Прав я, если говорю: на то им дают оружие, чтобы они готовились снова убивать нас, убивать детей наших соседей так же, как убивали и наших собственных детей? Скажите!

Подовскому ответил весь забытый до отказа зал сельского клуба: — Да, ты прав! Но мы не позволим им развязать войну!

Аплодисментами встретил коллектив рабочих и служащих Томашевского завода искусственного волокна слова работницы Марии Краевской: — Импералисты хотят вложить в руки бывших гитлеровцев оружие, но они забывают, что времена Гитлера давно прошли!.. И тот, кто хочет идти по его дорожке, пусть вспомнит, чем и где кончился путь этого изверга! Судьбу мира берут в свои руки миллионы честных людей, которые ненавидят войну. Силы мира растут из дня в день!

В редакциях польских газет приходят тысячи писем людей труда, переполненные гневом и презрением к покровителям современных убийц — американским дресировкам кровавого зверя — западногерманского «вермахта». В этих письмах — воля, решимость народа бороться за мир, бороться против его врагов. «Нас не обманут!» — пишет учитель Витольд Покосковский — мы умеем отличить ложь от правды. Я уверен, что в зале Совещания в Москве будут присутствовать не только делегаты правительств, выполняющих волю своих народов, — там будут властвовать воля, стремление миллионов масс всей Европы, ибо предложения Советского правительства выражают чаяния и интересы не только советского народа и нашего многострадального польского народа, но и всех миролюбивых и свободлюбивых народов мира...»

ВАРШАВА, 24 ноября. (По телефону)

С полным правом

Нет, это не картина, создающая которой художник принес в жертву бессонные ночи, над которой исцал мук творчества. Это обычная журнальная фотография. На ней запечатлен митинг протеста рабочих металлургического комбината в Кладно против ратификации Западной Германии. Вы смотрите на этот небольшой квадрат на белом листе чехословацкого журнала и снова, и снова находите на нем новые детали...

Вот на переднем плане — двое старых рабочих. В зубах у одного трубка, правая рука высоко поднята. Он согласен с предложением послать приветственное письмо трудящимся Западной Германии. На лице столько спокойствия, что вы невольно улыбнетесь. Такой славный человек! И трубка он вынимает изо рта, видимо, только тогда, когда во время работы нужно сделать что-то особенно трудное. Несмотря на это — не беззаботное спокойствие, а твердая, непоколебимая вера в свои силы, в силы народа.

Лицо другого изборождено морщинами. Он смотрит вперед и руку поднял невысоко, скорее протянул ее перед собой, как бы ланившись от чего-то, что еще живо у него в памяти. Может, он прожил годы в гитлеровском концентрационном лагере, а может, его сын погиб в Лидже. Может быть. Но такие, как у него, морщины оставляют на лице человека только пережитое тяжелое горе.

Возможно, у этого старика есть сын выше его на голову, и отец с гордостью говорит о нем друзьям в чехе. Придет домой, и на шее у него повиснут вчужа, он всегда рад их невинным проказам. Наоборот, если он один в доме, ему как-то не по себе. Его иногда угнетает мысль, что любимые внучата могут погибнуть под развалинами дома, что бомбы могут нарушить его ясную жизнь. Война не выбирает жертв.

Границы с Западной Германией проходят, да по нашим горам, а эти границы объявляют. Ведь мы на собственном горьком опыте познали подлинное лицо германского милитаризма.

Десять лет живем мы в светлом мире, смотрим на яркие краски свободы, которую добыли для нас советские люди. От

завода к заводу не ходит теперь у нас армия безработных. Врач не сидит без дела, а юрист не работает помощником камешника. У наших матерей — счастливая улыбка на устах. Поэтому внимательно смотрим мы на спол западные границы. Не может быть нам безразлично то, что за ними творится. Не может быть безразлично, что Западной Германии вновь хотят превратить в очаг войны, что снова грохочет много раз продажный барабан врагов и нарушителей мира. Горстка фигур, которых в будущем учебнике истории отведут лишь одну, неслетую для них фразу, под звуки барабанов, обранных новой кожей, снова готовит бойню.

Позтому поднимает народ Чехословакии свой голос, позтому кинит негодование против реваншизма и их покровителей. От завода к заводу ширится волна протестов против воскрешения западногерманского «вермахта», против бредовой мечты фигур, живущих за счет вой и порабощения.

Мы горячо поддерживаем предложение Советского правительства о созыве общеевропейского совещания: это предложение закладывает прочные основы мира.

Наша рабоче хотят, чтобы никто не мешал им плавить мирную сталь, создавая новые машины; ученые склонили головы над приборами; инженеры решают новые проблемы производства, о каких мы раньше и не мечтали; наши женщины хотят того, что для каждой матери первое и главное — счастья своих детей; юноша хочет улыбки своей любимой, которой он отдал сердце. Художники работают над тем, чтобы отразить красоту и богатство нынешних дней, создать произведения о мирной жизни, и не хотят даже вспоминать о тех тяжелых временах, когда были забыты перо, кисть и резец.

И обращаясь к рабочим, запечатленным на фотографии в журнале: «Друзья! То, что переживаете вы, чувствует весь наш чехословацкий народ, сотни миллионов людей, идущих вместе с нами. Мы должны победить во имя мира в Европе и во всем мире. Объединенные, мы имеем столько силы, что можем творить и творим историю. Мы, а никак не те, кто бьет по ослиной коже военного барабана».

ПРАГА, 24 ноября. (По телефону)

Рассказ о монгольских друзьях

Одно из самых красивых зданий Улан-Батора принадлежит университету. Величаво-красивым выглядят оно рано утром, когда солнце подеркивает строгую белизну колонн и по ступеням, широким веером развернувшимся у входа, поднимаются юности и девушки с портфелями, сумками, с книгами подмышкой. В зеленых, желтых, коричневых халатах с яркими куншаками, они напоминают цветы, рассыпанные у подножия горы. На вершине здания, над колоннами, — большие буквы: «Монгольский государственный университет имени Чойбалсана». В садике перед университетом — монумент маршала Чойбалсана работы скульптора Чойбалы.

Тихо, очень тихо вокруг. Мимо университетского сада медленно проходит верблюд. Пожилой монгол в широкополной фетровой шляпе, в халате с очень длинными рукавами, скрывающими руки, в сапогах-гугузах с толстыми подошвами и загнутыми кверху носами, восседает между двумя горбами, словно сросся с животным.

Монгол задумчиво смотрит на девушку, которая, прыгая через две ступеньки, поднимается к дверям университета, потом он смотрит на монумент Чойбалсана, и на его сухощавом скуластом лице пробегает улыбка.

— Сайн байну... — тихо говорит он. «Сайн байну» — значит «здоровствуйте». Я уже привыкла к тому, что незнакомец приветствует нас, советских преподавателей, на улице, что в глазах, обращенных к нам, светится дружеское расположение, а слово «байн» — «учитель» произносится одинаково почтительно маленькими мальчиками и сгорбленными стариками.

Просторный вестибюль университета прострел платками и диаграммами, фотомонтажами и шитами с объявлениями: о собраниях членов Революционного союза молодежи, о репетиции хора, о том, что ректорат просит сдать материалы в стенографическую лабораторию коллектив студентов, преподавателей, служащих жить напряженной творческой жизнью...

Возле вешалки меня останавливает маленький чернявый юноша с красной повязкой дежурного на рукаве военной гимнастерки. Он следует за мной по длинному коридору, где так много поворотов, что можно заблудиться; у раскрытых дверей аудиторной шумно, группами толкуются будущие медики и литераторы, историки, химики и биологи.

Вандикуху идет за мной, и звонок дежурного тихоко повышает у него в руке. В другой руке у Вандикуху — записная книжка, коричневая с позолоченным тиснением: «Для записей...» У Вандикуху мятежно, вежливая собранность во всем, начиная от туго затянутого кожаного пояса и блестящих начищенных сапог до тщательно очерченных полей в тетради...

— Очень хорошая басня «Стрекоза и Муравей»... — вкрадчиво начинает Вандикуху. Я мельком взглянул на часы. — Байн, я хотел спросить вас, что такое «кумушка»...

— Кумушка? — такое простое слово... — говорю я. — Очевидно, стрекоза в свое время крестила у муравья его детшек. Но вежливую лину Вандикуху нетрудно угадать, что для него понятие «кумушка» затуманилось окончательно...

Из читального зала доносится бой часов. Пора за работу!.. Здесь, в Монголии, видишь воочию, как это огромно — «русский язык!» — и что значит он для миллионов простых людей земного шара.

Вот передо мной 25 студентов химико-биологического отделения педагогического факультета. Маленькая круглолицая Дулма с припухлыми щеками лукавыми глазами. С ней за одним столом — молчаливый Чимдочир. Он хорошо рисует и умеет чертить. Это он подготовил таблицу «Как образуются сложные слова», которая висит на стене.

— Вы уже прочитали «Как закалялась сталь», товарищ Пенд? — спрашиваю я, и все понимаю, что я подтруниваю над Пендом, у которого всегда рядом с грамматикой лежит кака-нибудь посторонняя книга. Лучшее друг это понимает сам Пенд, но на этот раз он отклоняет мою шутку и отвечает серьезно, с большим достоинством: — Нет, багн, я хочу знать эту книгу наизусть.

Прямо передо мной сидит, — не сидит, а сползает на своем стуле златорый и непоета Балчинжав. Ребята рассказывают, что до Всемирного фестиваля демократической молодежи в Берлине, где Балчинжав присутствовал в качестве делегата от монгольской молодежи, это был совершенно другой человек. Он не писал стихов, разговаривал мало, двинулся медленно и никто не подозревал, что у Балчинжавы замечательный, сильный баритон... Он всегда выступает на лектурах художественной самодеятельности. Что бы исполнить песенку о фонарике Шестаковича. Англопуют и кричат: «Фонарик!», пока Балчинжав не выйдет снова и властно не поднимет свою маленькую энергичную руку. Вот и сейчас он поднимает руку, встает...

— Что вы, Балчинжав? — спрашиваю я. — Монгольский парен Пенд хочет быть таким, как Павел Корчагин... Да-а-а! Он несколько раз восклицает свое «да-а-а» и, взволнованно оглянувшись по сторонам, садится.

Пагаач — староста группы. Это худощавый мужчина лет 30—35. Он стоит передо мной, составляя предложения с творческими надеждами.

— Я был скотоводом. Начальная форма — скотовод. И буду учителем. Начальная форма — учитель. Множественное число: мои дети будут строителями, учителями, докторами, учеными, артистами.

— Дулма, составьте предложение, в котором был бы родительный падеж с предложением, — говорю я. — Мы все приехали из худона*, — отвечает она. — Вы приехали из худона, Чимдочир? — спрашиваю я. — Нет, — отвечает Чимдочир. — Я приехал из города Кобло.

— Багн, я приехал из города Чойбалсана, — говорит Балчинжав. — До Народной революции этого города не было. Был монастырь Сайн Бейсин-Хура. Я еще тогда не родился.

Один только Пагаач родился в Улан-Баторе. Раньше город назывался Да-Хура, что означает «большой монастырь». Пагаач помнит кривые и грязные переулки, закрытые дворники и убогие юрты, запыленные дворцы феодалов и лавочки иностранных купцов.

Завтра исполняется 30 лет со дня провозглашения Монгольской Народной Республики. Под руководством народно-революционной партии монгольский народ осуществил в своей стране глубокие социально-экономические преобразования, добился больших достижений в развитии народного хозяйства и культуры. Еще более светлые перспективы открывает перед республикой второй пятилетний план на 1953—1957 годы, одобренный проходившим в эти дни в Улан-Баторе XII съездом Монгольской народно-революционной партии.

Советские люди от всего сердца желают монгольскому народу успехов в строительстве основ социализма в своей стране.

Цент с сияющим лицом рассказывает, что он достал билеты на симфонический концерт из произведений Чайковского. Заслуженная артистка республики Цогзама будет петь арию Татьяны из оперы «Евгений Онегин». Ее последней работой до этого была партия монгольской девушки Хайдуин из оперы «Жаргальн Зам» («Путь к счастью»).

Мне довелось познакомиться с режиссерами театра. Двое из них — режиссер Генден и художественный руководитель театра Ванген — воспитанники нашего ГИТИС.

Молодые режиссеры ставят на сцене Монгольского музыкально-драматического театра «Русский вопрос» Б. Симонова, «Калиновую рощу» А. Корнейчука и другие советские пьесы.

В эти же дни я познакомилась с народной артисткой республики Дашевгин Ичинхорлоо. Передо мной лежит фотография Ичинхорлоо. И кажется, я снова слышу взволнованный голос артистки, рассказывающей о детстве маленькой Дашевгин.

Однажды Дашевгин Ичинхорлоо увидела китайско-фоксингов, раскнинувших свою палатку. Затаив дыхание, следила она за движениями артистов. Вечером у себя в юрте Дашевгин повторыла китайский танец, сопровожая его монгольскими песнями, которым ее научила мать. Дашевгин знала очень много песен.

С этими песнями Ичинхорлоо пришла в только что организованый клуб Суха-Батора. В клуб в те годы потонулись из всех уголков республики талантливые танцоры, рассказчики и музыканты, чеканщики и вышивальщицы, актеры, никогда не знавшие театрального действия, кроме своеобразных религиозных мистерий, которые устраивались в монастырских феодалах. И так же как первым словом монгольского революционного искусства остается песня «Шивээ Хиагт», которую сочинил партизан Суха-Батора в огне боев антияпонской и антиимпериалистической революции, так клуб Суха-Батора был первым очагом революционного искусства республики. С тех пор прошло много лет. Монгольский народ создал свое изобразительное искусство, художественную литературу, музыкальное искусство, цирк — все виды искусства, которые известны культурному человечеству.

...Время идет быстро. В университете за зимней сессией пошла и весна. На первом курсе химико-биологического отделения русский язык сдавали на четверки и пятёрки. Балчинжав без записки разобрал указанное в билете предложение, прочитав стихотворение Лермонтова «Парус», и очень довольный выпынул ему билетом, перешел к третьему вопросу.

— Биография Александра Сергеевича Пушкина, — прочитал Балчинжав и, отложив билет, приступил к ответу. — Товарищ Пушкин, гениальный русский поэт... Я опустил глаза, стараясь не смотреть на членов экзаменационной комиссии. До моего слуха через каждые два слова доносилось: «Товарищ Пушкин», но что я могла сделать?

Балчинжав стоял на середине комнаты, немного выдвинув вперед правую ногу и откинув голову. Большие черные глаза поблескивали, голос звучал наивно: Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье...

Кто-то из комиссии сказал: — Достаточно... Балчинжав широко улыбался, протянул мне свою зачетную книжку. — В общем хорошо, но объясните мне, почему «товарищ Пушкин»? Балчинжав тихо ответил: — Я его очень люблю, багн... И потому говорю «товарищ Пушкин»...

...Наступил день отъезда из Монгольской Народной Республики. Студенты пришли на вокзал. Когда я входила в вагон, Ценд, стоявший на подножке с запрокинутой головой, сказал: — Спасибо советским людям, что они учат нас...

На подножке рядом с Цендом встал молчаливый Чимдочир. Он протянул мне руку и сказал: — Мы хорошо понимаем, что русский язык — это язык страны социализма.

Т. ВЕЛЕДНИЦКАЯ
УЛАН-БАТОР — МОСКВА

И. В. Сергиевский

Умер Иван Васильевич Сергиевский — активный работник советского литературоведения. И. В. Сергиевский родился в 1905 г. Начав литературную деятельность в 1925 году, он, еще будучи студентом, написал ряд ценных книг и статей, посвященных вопросам истории русской литературы и методологии литературоведения. Много лет посвятил он изучению творчества Пушкина и разработке проблем советского пушкиноведения, а также изучению творчества Гоголя и Горького. Исследование творчества русских классиков он умел сочетать с интересными критическими статьями по советской литературе и с выступлениями по теоретическим вопросам, в которых боролся за чистоту принципов марксистско-ленинской науки о литературе.

Большое место в деятельности И. В. Сергиевского занимала редакторская и научно-организационная работа. С первых лет существования «Литературного наследства» он — один из деятельных работников редакции этого издания.

С начала Великой Отечественной войны И. В. Сергиевский пошел добровольцем в действующую армию. С 1946 г. он работал заместителем редактора журнала «Советская книга», а в 1947—1949 гг. — в аппарате ЦК КПСС. В последние годы И. В. Сергиевский был ученым секретарем Отделения литературы и языка Академии наук СССР и старшим научным сотрудником Института мировой литературы имени А. М. Горького.

Преждевременная смерть вырвала из наших рядов талантливого ученого и литератора-коммуниста, человека кристальной чести и большой душевной отзывчивости. Светлый образ Ивана Васильевича Сергиевского никогда не померкнет в нашей памяти.

К. Симонов, В. Виноградов, Б. Полевой, Н. Грибачев, С. Бархударов, М. Алексеев, Д. Блатой, В. Ерилов, Г. Владыкин, А. Егоров, Н. Гузлий, Н. Онуфриев, Б. Бурсов, И. Зильберштейн, С. Макашин, Б. Рюриков, В. Дорофеев, В. Жданов, В. Орлов, Б. Мейлах, А. Белецкий, Ф. Левин, Б. Козьмин, В. Гоффеншерф, Е. Рамм, Е. Усевич, А. Робинсон, А. Котов, Е. Калашикова и др.

В сегодняшнем номере «Литературной газеты» — 6 страниц.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМОРНОВ.